UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324082 7

Aleksandrovskiĭ, Grigoriĭ Vladimirovich

Максимъ Горькій и его сочиненія. Изд. 2., испр. и доп.

Title transliterated:
Maksim Gor'kiĭ i ego sochineniia

PG
3465
A857
1901

OPB

MAKSIM GORKII I EGO SOCHINENIIA

Aleksandrovskii

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor London

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1961

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/maksimgorkiiegos00alek

ORDER DEPARTMENT
UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY
ANN ARBOR, MICHIGAN

ORDER NO.
C61-203744

FUND:
LSA

Aleksandrovskiĭ, Grigoriĭ Vladimirovich.

Maksim Gorkii i ego sochineniia; publichniia lektsii.
Kiev, 1901.

MICROFILM FOR COPYFLO

DEALER: [redacted]

CAT. & ITEM:

ORDERED 5-18-60

Columbia U.

[redacted]

THIS IS A PURCHASE ORDER - SEE OTHER SIDE FOR INSTRUCTIONS

891.7P99
DA31

Aleksandrovskiĭ, Grigoriĭ Vladimirovich
Максимъ Горькій и его сочиненія; публичныя лекціи (критическій очеркъ) Кіевъ, 1901.
80 p.

Title transliterated: Maksim Gor'kiĭ i ego sochineniia.

1. Gor'kiĭ, Maksim, 1868-1936.

PG
3465
A857
1901

LIBRARY
NOV 23 195
UNIVERSITY OF TORONTO
775195

Aleksandrovskiĭ, Grigoriĭ Vladimirovich
Maksim Gorkiĭ i ego sochinenija
9.29./42.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

и

ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

(КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

Г. Александровскаго.

Изданіе 2-е исправленное и дополненное.

КІЕВЪ,
Типографія М. М. Фиха. Б.-Васильковская

891.7/97
DA31

Дозволено цензурою. Кіевъ, 20 Января 1901 г.

FEB 6 1951

Максимъ Горькій

и

ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

М. Горькій. „Очерки и разсказы", т. 1 и 2, изданіе 2-е Дороватовскаго и Чарушникова; т. 3-й изд. 1-е Дороватовскаго и Чарушникова: т. 4, изд. 1-е тов. „Знаніе".

I.

Въ послѣднія 10—15 лѣтъ не прекращаются толки объ оскудѣніи русской литературы. Одно время они были особенно въ модѣ, и рѣчи о количественной и особенно качественной бѣдности современной беллетристики, въ которой будто бы нечего читать, то и дѣло на разные лады повторялись въ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ о текущей литературѣ, такъ что, въ концѣ концовъ, онѣ стали общимъ мѣстомъ, своего рода ходячей истиной, особенно въ глазахъ тѣхъ, кто не беретъ на себя труда внимательно всмотрѣться въ проходящія передъ его глазами литературныя явленія. Межъ тѣмъ, въ сущности говоря, въ этихъ утвержденіяхъ есть не мало голословнаго и преувеличеннаго; если ихъ можно принять, то только съ значительными оговорками и ограниченіями. Прежде всего, подобныя сѣтованія раздавались и ранѣе, въ то время, когда, кажется, менѣе всего можно было жаловаться на упадокъ литературы. Достоевскій по этому поводу замѣтилъ однажды, что съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнитъ литераторомъ, толки эти не прекращались. Оно и вполнѣ понятно. Молодые литературные таланты, растущіе и зрѣющіе на нашихъ глазахъ, не успѣли еще проявить всей силы своего дарованія; съ другой стороны, мы не привыкли относиться къ нимъ съ тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ относимся къ выдающимся писателямъ прошлаго. „Нѣтъ пророка въ своемъ

отечествѣ",—это изреченіе вѣрно не только въ прямомъ значеніи, но также и въ томъ смыслѣ, что выдающіяся личности, таланты и даже геніи сплошь и рядомъ при жизни слишкомъ мало цѣнятся среди своихъ соотечественниковъ. Въ данномъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ эта библейская истина вполнѣ примѣнима именно въ такомъ значеніи. Затѣмъ, если даже и согласиться съ тѣмъ, что у насъ теперь нѣтъ столь крупныхъ литературныхъ талантовъ, какъ въ 40-е и 60-е годы, и общія условія жизни стали таковы, что въ нихъ, пожалуй, труднѣе развиться должнымъ образомъ дарованію писателя, тѣмъ не менѣе можно указать цѣлый рядъ талантливыхъ авторовъ, которыхъ не обойдетъ молчаніемъ будущій историкъ русской литературы, и за которыхъ не пришлось-бы краснѣть, если ихъ сопоставить съ корифеями отечественной словесности. Не говоря уже о томъ, что въ наши дни развернулся во всю мощь гигантъ русской мысли и художественнаго творчества Л. Н. Толстой, на нашихъ глазахъ пріобрѣли вполнѣ заслуженную литературную извѣстность такіе писатели, какъ В. Г. Короленко, А. П. Чеховъ, поэтъ, пишущій подъ псевдонимомъ П. Я. и цѣлый рядъ другихъ авторовъ. Въ послѣднее время также появилось на страницахъ журналовъ нѣсколько свѣжихъ, оригинальныхъ разсказовъ, принадлежащихъ молодымъ, еще начинающимъ беллетристам. Среди нихъ все болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе произведенія Вересаева, Тана, Евгенія Чирикова и особенно Максима Горькаго. Послѣдній, несмотря на то, что выступилъ сравнительно недавно на литературное поприще, является самымъ популярнымъ изъ современныхъ беллетристовъ. Менѣе, чѣмъ въ два съ половиной года его три тома очерковъ и разсказовъ переиздавались три раза, хотя многіе изъ нихъ были напечатаны въ довольно распространенныхъ „толстыхъ" журналахъ. Въ критической литературѣ появилось не мало большихъ и малыхъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ выясненію литературнаго облика и особенностей дарованія талантливаго беллетриста. О немъ много говорятъ въ обществѣ, устраиваютъ посвященные его произведеніямъ литературные вечера, на которые собирается множество слушателей, каждое новое его произведеніе вызываетъ живой обмѣнъ мнѣній и на разные лады комментируется критикой.

Что-же представляетъ изъ себя Максимъ Горькій, какъ писатель? Въ чемъ особенности его литературнаго дарованія, какого рода жизненныя явленія и съ какой стороны нашли себѣ отраженіе въ его творчествѣ, что новаго или давно забытаго говоритъ онъ современному читателю, въ чемъ значеніе его произведеній? Таковы тѣ вопросы, которые сами

собою приходятъ въ голову, когда пытаешься объяснить себѣ причины успѣха Горькаго. Настоящій очеркъ и имѣетъ главною цѣлью выяснить вкратцѣ общій характеръ литературной дѣятельности Максима Горькаго.

Но прежде чѣмъ приступить къ разбору его произведеній, попытаемся, насколько это возможно, возстановить общій духовный обликъ интересующаго насъ писателя. Для этой цѣли намъ послужитъ краткая его автобіографія, съ одной стороны, и съ другой—отдѣльныя мысли, а иногда и довольно большія разсужденія, разсѣянныя въ трехъ томахъ его сочиненій, а также тѣ изъ его произведеній, которыя, какъ въ этомъ не трудно убѣдиться изъ знакомства съ ними, являлись результатомъ стремленія поэта выразить въ поэтической формѣ свои взгляды на различныя явленія жизни. Это необходимо сдѣлать, такъ какъ, несомнѣнно, общая сумма житейскаго опыта въ широкомъ смыслѣ слова (разумѣя подъ нимъ и умственное и нравственное развитіе) въ связи съ характеромъ, способностями, темпераментомъ и т. д. поэта, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что дала ему природа, опредѣляютъ его точку зрѣнія на внѣшній міръ и людскія отношенія. Въ зависимости же отъ этой точки зрѣнія поэтъ останавливается на той или иной сторонѣ наблюдаемой имъ дѣйствительности и перерабатываетъ въ томъ или иномъ освѣщеніи воспринятыя имъ впечатлѣнія. Такимъ образомъ, общее міровоззрѣніе поэта, явившееся результатомъ взаимодѣйствія жизненнаго опыта и его индивидуальныхъ свойствъ, есть та призма, черезъ которую онъ смотритъ на міръ и въ зависимости отъ ея свойствъ оцѣниваетъ несущуюся мимо него жизнь. Часто поэтому, при анализѣ поэтическихъ произведеній, приходится тщательно различать то, что является результатомъ непосредственныхъ наблюденій писателя надъ жизнью, своего рода зеркальнымъ отраженіемъ пережитого и передуманнаго имъ, отъ тѣхъ поэтическихъ образовъ, которые, подъ вліяніемъ общаго міровоззрѣнія автора, видоизмѣнились, сравнительно съ давшею для нихъ матеріалъ дѣйствительностью. Только сдѣлавши такое разграниченіе, можно бываетъ выяснить должнымъ образомъ литературную дѣятельность писателя и опредѣлить его общее историко-литературное значеніе.

II.

Въ 1899-мъ году М. Горькій помѣстилъ въ одномъ изъ мало распространенныхъ журналовъ („Семья") свою автобіографію. Тогда-же съ большими или меньшими подробностями она была перепечатана нѣкоторыми газетами, но

почему-то не помѣщена ни въ одномъ изъ изданій его сочиненій и потому, вѣроятно, мало кому извѣстна. Въ виду этого обстоятельства, а также потому, что она представляетъ большой интересъ для всякаго, изучающаго творчество Горькаго, мы приведемъ ее *) здѣсь. „Родился я,—пишетъ Горькій,—14 марта 1868 или 9-го года въ Нижнемъ, въ семьѣ Красильщика Василія Васильевича Каширина, отъ дочери его Варвары и пермскаго мѣщанина Максима Савватьева Пѣшкова, по ремеслу драпировщика или обойщика. Съ тѣхъ поръ съ честію и незапятнанно ношу званіе цехового малярнаго цеха". Мальчикъ былъ окрещенъ Алексѣемъ. Это имя Горькій при выборѣ псевдонима промѣнялъ на имя отца. Слѣдовательно, настоящее имя и фамилія Максима Горькаго—Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ.

Мальчикъ осиротѣлъ рано: „отецъ умеръ въ Астрахани,—продолжаетъ г. Горькій,—когда мнѣ было 5 лѣтъ, мать—въ Канавинѣ слободѣ. По смерти матери дѣдушка отдалъ меня въ магазинъ обуви: въ ту пору имѣлъ я 9 лѣтъ отъ роду и былъ дѣдомъ обученъ грамотѣ по Псалтыри и Часослову. Изъ „мальчиковъ" сбѣжалъ и поступилъ въ ученики къ чертежнику,—сбѣжалъ и поступилъ въ иконописную мастерскую, потомъ на пароходъ въ поварята, потомъ въ помощники садовника. Въ сихъ занятіяхъ прожилъ до 15 лѣтъ, все время занимаясь усердно чтеніемъ классическихъ произведеній неизвѣстныхъ авторовъ, какъ-то: „Гуакъ, или непреоборимая ревность", „Андрей Безсмертный", „Янанча", „Яшка Смертенскій" и т. п.".

„На пароходѣ, когда былъ поваренкомъ, на образованіе мое сильно вліялъ поваръ Смурый, который заставлялъ меня читать Житія Святыхъ, Эккартгаузена, Гоголя, Глѣба Успенскаго, Дюма-отца и многія книжки франкомасоновъ. До повара терпѣть не могъ книгъ и всякой печатной бумаги, до паспорта включительно".

„Послѣ 15 лѣтъ возымѣлъ я свирѣпое желаніе учиться, съ какою цѣлью поѣхалъ въ Казань, предполагая, что науки желающимъ даромъ преподаются. Оказалось, что оное не принято, вслѣдствіе чего я поступилъ въ крендельное заведеніе, по 3 руб. въ мѣсяцъ. Это—самая тяжкая работа изъ всѣхъ опробованныхъ мною".

Въ Казани близко сошелся и долго жилъ съ „бывшими людьми" (см. „Коноваловъ" и „Бывшіе люди"). Работалъ на Устьѣ, пилилъ дрова, таскалъ грузы и, почитывалъ всевозможныя книжки, которыми пичкали добрые люди. Какъ тяжело жилось въ этомъ періодѣ Горькому, можно судить по тому,

*) по ж. „Семья".

что въ 1888 г. онъ покушался на самоубійство, не имѣвшее къ счастію, смертельнаго исхода: пуля на этотъ, разъ оказалась не шальной и пощадила талантливаго писателя. „Похворавъ, сколько требовалось, — продолжаетъ Горькій,—я ожилъ, дабы приняться за торговлю яблоками“.

Послѣ Казани—мачехи Горькій пробуетъ счастія въ Царыцынѣ, гдѣ занимаетъ должность жел.—дор. сторожа, а затѣмъ опять появляется, по случаю призыва, въ Нижнемъ. Въ солдаты, однако, Горькій не попадаетъ,—„дырявыхъ не берутъ“, а дѣлается продавцемъ баварскаго кваса. Наконецъ, многострадальный членъ „малярнаго цеха“ какими-то судьбами пристраивается письмоводителемъ у присяжнаго повѣреннаго Ланина. Это въ жизни Горькаго—важный остановочный пунктъ.

А. И. Ланинъ—одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ онъ пользуется большимъ уваженіемъ. Въ Горькомъ онъ принялъ участіе, равное отеческому. „Вліяніе его на мое образованіе было неизмѣримо огромно,— поясняетъ Горькій.—Это высокообразованный и благороднѣйшій человѣкъ, коему я обязанъ больше всѣхъ. А. М. Пѣшковъ и А. И. Ланинъ, добавлю мимоходомъ, большіе друзья и теперь“.

Какъ ни жилось хорошо Горькому у Ланина, гдѣ онъ отдохнулъ, наконецъ, душой, но его снова потянуло къ бродячей жизни. Бродилъ онъ и скитался немало, при чемъ исколесилъ чуть-ли не всю Россію. Гдѣ онъ только не бывалъ, какихъ работъ не дѣлывалъ, чего не насмотрѣлся и не натерпѣлся! Объ этомъ могутъ свидѣтельствовать хотя бы очерки: „Чудра“, „Челкашъ“, „Мальва“, „Пилай“, „Изергиль“, „Мой спутникъ“, „Проходимецъ“ и др.

На мысль писателя впервые натолкнулъ Горькаго его знакомый—Александръ Меѳодіевичъ Калюжный, „которому,— пишетъ авторъ,—я тоже многимъ обязанъ“. Первою вещью, появившейся въ печати, былъ разсказъ „Макаръ Чудра“, напечатанный въ октябрѣ 1892 или 1893 г. въ газетѣ „Кавказъ“. Скитанія привели тогда Горькаго въ Тифлисъ, гдѣ онъ работалъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Вернувшись затѣмъ въ родные края, Горькій началъ помѣщать свои очерки въ поволжскихъ газетахъ. Можетъ быть, и здѣсь, въ новой для него области литературы, для Горькаго начался-бы цѣлый рядъ въ своемъ родѣ скитаній, если бы не счастливый случай. „Въ Нижнемъ въ 93—94 г.,—сообщаетъ Горькій,—я познакомился съ В. Г. Короленко, которому обязанъ тѣмъ, что попалъ въ большую литературу. Онъ очень много сдѣлалъ для меня, многое указалъ, многому научилъ. Первою вещью Горькаго, напечатанною въ „толстомъ журналѣ“, былъ „Челкашъ“, попавшій, благодаря В. Г. Короленко, въ „Русск. Богъ“. Вещь эта рѣшила судьбу Горькаго.

„Напишите объ этомъ, непремѣнно напишите“, училъ его писать Короленко. Такимъ образомъ, первымъ учителемъ Горькаго былъ солдатъ—поваръ Смурый, вторымъ—адвокатъ Ланинъ, третьимъ—Калюжный, человѣкъ „внѣ общества“, четвертымъ—Короленко.

Здѣсь конецъ автобіографіи Горькаго. „Больше,—заканчиваетъ онъ,—не хочу писать. Я разстроился и растрогался при воспоминаніи объ этихъ великолѣпныхъ людяхъ“.

Вотъ и все, что разсказалъ о своей жизни Алексѣй Пѣшковъ. Разсказъ этотъ ясно показываетъ намъ, что въ лицѣ Максима Горькаго мы имѣемъ дѣло съ литературнымъ явленіемъ въ высокой степени оригинальнымъ. Онъ принадлежитъ къ такъ называемымъ литературнымъ самородкамъ, какими были, напримѣръ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко. Выросши внѣ культурной среды, Горькій не впиталъ въ себя, подобно другимъ нашимъ писателямъ, тѣхъ вѣяній и настроеній, какія носятся всегда въ воздухѣ въ интеллигентномъ обществѣ. Онъ, такимъ образомъ, въ молодости оказался какъ бы въ сторонѣ отъ разнообразныхъ теченій мысли русской и западно-европейской, волнующихъ въ наши дни образованное общество. Ни народничество, ни марксизмъ, ни декаденство съ ницшеанствомъ, ни какія-либо другія умственныя теченія современной жизни не вліяли на выработку міровоззрѣнія нашего автора. Его взгляды и отношеніе къ окружающей дѣйствительности создавались вполнѣ самобытно, безъ воздѣйствія какихъ-бы то ни было „системъ“ или „ученій“. Несомнѣнно, однако, что позднѣе, встрѣтившись съ нѣкоторыми людьми, Горькій подъ вліяніемъ ихъ сталъ знакомиться съ господствующими идеями или, быть можетъ, однимъ какимъ-либо „направленіемъ“, но знакомство это, вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь систематическаго образованія и надлежащей подготовки, едва-ли могло быть глубокимъ и всестороннимъ. Оттого-то, какъ это мы будемъ имѣть случай показать ниже, общее міровоззрѣніе Горькаго, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, поражаетъ какой-то туманностью и неопредѣленностью. Видно, что авторъ увѣровалъ въ тотъ или иной принципъ, но онъ не знаетъ, какъ его можно примѣнить въ жизни, не представляетъ его себѣ во всей полнотѣ и законченности; принципъ этотъ пока еще не сросся въ одно цѣлое съ личностью Горькаго, не овладѣлъ имъ настолько, чтобы руководить имъ въ пониманіи жизни, въ оцѣнкѣ ея явленій съ одной опредѣленной точки зрѣнія. Всѣ эти выводы изъ автобіографіи о міровоззрѣніи Горькаго найдутъ себѣ подтвержденіе въ дальнѣйшемъ.

Изъ приведенной выше автобіографіи Горькаго видно, сверхъ того, какой необычайный жизненный опытъ выпалъ на долю нашего автора. Трудно указать другого писателя, который переиспыталъ бы все то, что пришлось пережить и видѣть Горькому. Его юность и первые годы зрѣлаго возраста протекли среди людей, которые представляютъ собою какъ бы своего рода міръ отверженныхъ, выбитыхъ изъ жизненной колеи личностей, со своеобразными характерами и міровоззрѣніемъ, міръ, который такъ мало доступенъ наблюденію человѣка, стоящаго внѣ его, и потому не вполнѣ и нѣсколько односторонне отразившійся въ нашей литературѣ. И не со стороны, въ качествѣ интересующагося наблюдателя, изучалъ Горькій этотъ міръ босяковъ, „бывшихъ людей", онъ долгое время жилъ одной съ ними жизнью, дѣлилъ ихъ интересы, имѣлъ достаточно времени изучить ихъ духовныя особенности, стремленія, симпатіи и антипатіи. Онъ лично испыталъ всѣ невзгоды босяцкой жизни, съ ея вѣчнымъ недоѣданіемъ, скитальчествомъ съ мѣста на мѣсто, ночевками подъ открытымъ небомъ или же гдѣ-нибудь подъ опрокинутой лодкой, подъ хлѣбнымъ амбаромъ и въ т. п. мало привлекательныхъ мѣстахъ; въ непосредственномъ общеніи съ босяками наблюдалъ онъ ихъ своеобразные характеры и міровоззрѣніе и сдѣлалъ обширный запасъ бьющихъ въ глаза своею жизненностью впечатлѣній, которыя потомъ, послѣ творческой переработки въ духѣ его общаго міровоззрѣнія, воплотились въ героевъ большинства его разсказовъ. На берегахъ Волги, въ черноморскихъ степяхъ много разъ въ теченіе своихъ „годовъ странствованія" сталкивался Горькій съ этими своеобразными людьми, которые въ Одессѣ зимою ѣдятъ крысъ, а въ Ростовѣ улитокъ, которые, выражаясь его словами, всю жизнь находятся въ осадномъ положеніи. Въ основѣ большинства разсказовъ Горькаго лежитъ обыкновенно тотъ или другой эпизодъ изъ его скитальческой жизни, переданный,—это сейчасъ-же чувствуется при чтеніи,—почти съ фотографической вѣрностью.

Но не только, конечно, съ босяками имѣлъ дѣло Горькій во время своей богатой внѣшними впечатлѣніями жизни; сталкивался онъ и съ людьми другого типа, и этимъ объясняется присутствіе въ его разсказахъ образовъ другой категоріи, хотя и болѣе заурядныхъ, но представляющихъ не малый интересъ какъ для уясненія общей его точки зрѣнія на жизнь, такъ и независимо отъ этого, по тѣмъ выводамъ, которые можно сдѣлать изъ ихъ анализа.

III.

Мы разсмотрѣли чисто внѣшнюю, фактическую сторону біографіи Горькаго. Прежде чѣмъ перейти къ разбору созданныхъ имъ образовъ, необходимо еще выяснить отношеніе Горькаго къ окружающей его дѣйствительности, сдѣлать синтезъ его міровоззрѣнія. Въ автобіографіи для этого нѣтъ матеріала, но его въ достаточномъ количествѣ можно найти въ его сочиненіяхъ. Мы воспользуемся только тѣми мѣстами, гдѣ авторъ несомнѣнно говоритъ отъ себя, а также отдѣльными разсказами, изъ самаго характера которыхъ ясно, что они являются не столько переработкой впечатлѣній отъ внѣшней дѣйствительности, сколько выраженіемъ въ поэтическихъ образахъ его міровоззрѣнія.

Смыслъ жизни, по мнѣнію Горькаго, заключается въ страстномъ, могучемъ и прекрасномъ уже своею мощью стремленіи человѣка къ возвышенной цѣли; необходимо, чтобы эта цѣль, какъ путеводная звѣзда, бросала свой яркій отблескъ на каждый моментъ существованія отдѣльной личности, „нужно, чтобы каждый моментъ бытія имѣлъ свою высокую цѣль“ (срав. т. 3 с, 382). Въ этомъ, говоритъ Горькій, нѣтъ ничего невозможнаго; этого можно было-бы достигнуть, но не въ современныхъ рамкахъ жизни, „въ которыхъ всѣмъ такъ тѣсно и гдѣ нѣтъ свободы духу человѣка“. (ib) „Нужно родиться въ культурномъ обществѣ, для того чтобы найти въ себѣ терпѣніе прожить всю жизнь среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ маленькихъ ядовитыхъ лжей, изъ сферы болѣзненныхъ самолюбій, идейнаго сектанства, всяческой неискренности; однимъ словомъ, изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты суетъ, въ общемъ далеко невѣрно и неточно называемой культурой“. (т. 2 с. 57).

Такъ смотритъ Горькій на жизнь въ цивилизованномъ обществѣ. Только тотъ, кто съ раннихъ лѣтъ отравленъ тлетворнымъ духомъ того, что въ наше время принято называть культурой, способенъ безъ особаго протеста жить этой жизнью, полной фальши, лицемѣрія и самообмана; свѣжій человѣкъ, едва вкусившій ея прелестей, чувствуетъ настоятельную необходимость выйти изъ ея рамокъ и нѣсколько освѣжиться отъ чрезмѣрной сложности и болѣзненной утонченности этого быта.

И ничего эта сутолока, требующая неимовѣрной затраты силъ и энергіи, губящая часто громадное количество жертвъ и именуемая культурной жизнью, ничего она не даетъ тѣмъ, кто все свое недолгое существованіе отдаетъ ей въ рабство.

„Они все только строятъ, вѣчно трудятся, ихъ потъ и кровь-цементъ всѣхъ сооруженій на землѣ; но они ничего не получаютъ за это, отдавая всѣ свои силы вѣчному стремленію сооружать—стремленію, которое создаетъ на землѣ чудеса, но все-таки не даетъ людямъ крова и слишкомъ мало даетъ имъ хлѣба". (т. 2 с. 60—61). Смѣшны и жалки эти трудящіеся люди, точно сѣрые маленькіе черви копошащіеся на землѣ, своимъ же созданіемъ поработившіе и обезличившіе себя. „До слезъ смѣшны... длинныя вереницы грузчиковъ, носящихъ на плечахъ своихъ тысячи пудовъ хлѣба въ желѣзные животы судовъ, для того, чтобы заработать нѣсколько фунтовъ того-же хлѣба для своего желудка. Рваные, потные, отупѣвшіе отъ усталости, шума и зноя люди и могучія, блестящія на солнцѣ дородствомъ и безмятежностью машины, созданныя этими людьми, машины, которыя, въ концѣ концовъ, приводятся въ движеніе все-таки не паромъ, а мускулами и кровью своихъ творцовъ... въ этомъ сопоставленіи цѣлая поэма жестокой и холодной иронiи" (т. 1, с. 2—3). Итакъ, жизнь современнаго общества, по Горькому, ничего не даетъ трудящемуся для созданія ея человѣку; она только порабощаетъ и обезличиваетъ его, едва доставляя возможность поддержать изнурительной борьбой его жалкое существованіе.

Но, быть можетъ, современный общественный строй, не обезпечивая матеріально труженика, все же способствуетъ нравственному совершенствованію человѣчества, облагораживаетъ его умъ и сердце, вселяетъ отвращеніе ко злу, будитъ въ немъ жажду дѣятельнаго добра? Горькій, повидимому, не вѣритъ въ это и склоненъ, кажется, скорѣе скептически относиться къ моральному прогрессу современнаго общества. „Я знаю—заявляетъ онъ съ горькой ироніей,—что люди становятся все мягче душой въ наши высококультурные дни и даже, когда берутъ за глотку своего ближняго съ явной цѣлью удушить его, такъ стараются сдѣлать это съ возможной любезностью и съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, умѣстныхъ въ данномъ случаѣ. Опытъ собственной моей глотки заставляетъ меня отмѣтить этотъ прогрессъ нравовъ, и я съ пріятнымъ чувствомъ увѣренности подтверждаю, что все развивается и совершенствуется на этомъ свѣтѣ. Въ частности, этотъ замѣчательный процессъ вѣско подтверждается ежегоднымъ ростомъ тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости". (т. 2. с. 336). Тяжело, порой невыносимо жить и тѣмъ, кто, посвятивъ себя интеллигентному труду, не потерялъ окончательно чувства совѣсти и сознанія собственнаго достоинства, не упалъ духомъ и не хочетъ жить просто, какъ свинья (срав. т. 3 с. 380). Мертвая петля все болѣе и

болѣе затягивается вокругъ нихъ, и они, такъ-же, какъ и простые труженики, чувствуютъ себя въ плѣну у жизни, ея рабами, потерявшими всякую надежду на освобожденіе отъ этого позорнаго рабства. Нѣкогда эти люди боролись за свои идеалы, но теперь побѣждены торжествующей пошлостью и подлостью, взяты въ плѣнъ житейскими мелочами, точно паутиной опутавшими ихъ горемычное существованіе. „Они погибаютъ, ибо гонимы, ибо всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на враговъ. Разсѣянные повсюду, они погибаютъ отъ сомнѣнія и тоски... и отъ невозможности свободно ходить, говорить и думать“ (т. 3 с. 376—7). Эти люди, со страшной жаждой подвига, лишенные даже свободы думать о чемъ имъ угодно, безъ того, чтобы ихъ мысли не подвергались самому нелѣпому контролю, они изнываютъ, задыхаются въ этой мрачной тюрьмѣ, именуемой культурнымъ обществомъ, и, не выдержавъ душевныхъ страданій, кончаютъ иногда, подобно Кравцову въ психологическомъ этюдѣ: „Ошибка“, который помѣшался на мысли о томъ, что онъ спасетъ и обновитъ всѣхъ, изнемогшихъ въ непосильной борьбѣ съ жизнью, выведетъ ихъ въ пустыню и устроитъ тамъ „будку общаго спасенія“. Такимъ образомъ, лучшимъ людямъ, готовымъ „душу свою положить за други своя“, нѣтъ мѣста въ нашемъ обществѣ; они роковымъ образомъ обречены на гибель. Въ немъ чувствуютъ себя хорошо только тѣ, кто превратился „въ толстую груду костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурой“, чьи сердца пропитаны трусостью, холопствомъ, а умы связаны лѣнью. (Срав. т. 3 с. 380). Да выживаютъ еще въ этомъ „хаосѣ мерзости“ различные „интеллигентные“ люди, ставящіе себѣ задачей достиженіе духовнаго совершенства, которое они внѣдряютъ въ себя ежесуточно путемъ продолжительныхъ бесѣдъ со знакомыми и посредствомъ чтенія душеполезныхъ книгъ, и это потому, что вся ихъ гаденькая душенка состоитъ изъ однихъ мелкихъ страстишекъ; въ ней вѣчно царитъ полнѣйшій хаосъ, нѣтъ ни одного опредѣленнаго чувства, чуждаго отъ постороннихъ примѣсей. Когда чертъ вздумалъ было создать изъ такого „самоусовершенствователя“ идеальнаго человѣка и вырвалъ изъ его души такія чувства, какъ честолюбіе, злобу, трусость и мелочное раздраженіе, являющееся плодомъ болѣзненной нервозности, въ ней не осталось никакого содержанія (см. разсказъ „Еще о чертѣ“, т. 3-й).

Мы привели не малое количество выдержекъ изъ разныхъ мѣстъ сочиненій Горькаго. Число ихъ можно было бы увеличить, но уже изъ приведенныхъ достаточно ясно видна господствующая струя въ міровоззрѣніи Горькаго. Это, какъ выразился одинъ изъ его критиковъ, „пессимистическій на-

ужаснаго лѣса несчастные, загнанные люди, и страхъ родился среди нихъ, и уже хотѣли итти они къ врагу и отдать ему себя и свою волю. Но тутъ явился гордый, смѣлый красавецъ Данко и повелъ ихъ вонъ изъ лѣса, и всѣ пошли за нимъ. Не то, чтобы онъ убѣдилъ ихъ, что знаетъ дорогу,—онъ сказалъ только: „вставайте, пойдемъ въ лѣсъ и пройдемъ его сквозь, вѣдь все на свѣтѣ имѣетъ конецъ!"—но такъ уже *могуче было его желаніе*, такъ *много было въ немъ силы и живого огня*, что всѣ повѣрили ему. Однако трудность пути вскорѣ охладила ихъ рвеніе, и они стали какъ звѣри и готовы были убить Данко. „Тогда въ его сердцѣ вскипѣло негодованіе, но отъ *жалости къ людямъ* оно погасло. *Онъ любилъ людей* тѣхъ и думалъ, что, можетъ быть, безъ него они погибнутъ. И вотъ его сердце вспыхнуло яркимъ огнемъ желанія спасти ихъ и вывести ихъ на легкій путь". И онъ разорвалъ свою грудь и, вынувъ изъ нея пылающее сердце, этотъ факелъ великой любви къ людямъ, освѣтилъ имъ весь лѣсъ и вновь двинулся впередъ, а любопытный и очарованный народъ бросился за нимъ, и вскорѣ они увидали передъ собою широкую степь, развернувшуюся впереди свободную землю. Гордо засмѣявшись, Данко упалъ и умеръ. А какой-то осторожный человѣкъ, замѣтивъ его пылающее гордое сердце и „боясь чего-то", наступилъ на него ногой. И разсыпавшись въ искры, оно угасло, а искры тѣ все блуждаютъ по степи, напоминая о великомъ подвигѣ, великаго человѣка. (т. 1, с. 323—33).

Такимъ образомъ, изъ разсказа о Данко стало нѣсколько яснѣе, въ чемъ жизнь „въ небѣ", которою такъ гордился Соколъ. Она—въ жалости и любви къ людямъ, въ подвигѣ самопожертвованія, въ смѣломъ и гордомъ рѣшеніи, въ отвагѣ, граничащей съ дерзостью, въ „безумствѣ храбрыхъ". Данко подобно Соколу, „славно пожилъ, онъ видѣлъ небо: не даромъ же передъ смертью онъ радостнымъ взоромъ окинулъ привольную ширь степей, которой теперь будетъ владѣть его родной народъ, и гордо засмѣялся. И Соколъ и Данко—оба они надѣлены могучимъ стремленіемъ къ свободѣ и независимости, желаніемъ необычайнаго подвига, оба готовы пойти на погибель, лишь-бы добиться исполненія своихъ желаній. И въ этой безпредѣльности желанія „взлетѣть въ небеса", въ неустанномъ порывѣ впередъ во имя свободы и заключается истинное счастье. Нѣтъ нужды, что иногда, быть можетъ, эти порывы ни къ чему не приведутъ, и призывы „впередъ", въ сущности, обманъ, ибо впереди ничего нѣтъ,—они все же лучше, чѣмъ позорное прозябаніе, подобное тому, которымъ такъ гордился Ужъ въ

pp. 13-14 Missing
from text.

„Пѣснѣ о Соколѣ". „Возвышающій обманъ" въ этомъ случаѣ лучше для человѣка, чѣмъ „тьма низкихъ истинъ".

Такой, по крайней мѣрѣ, можно сдѣлать выводъ изъ аллегорическаго разсказа „О Чижѣ, который лгалъ, и о Дятлѣ—любителѣ истины". 1) Чижъ поетъ лѣснымъ птицамъ такую пѣсню:

Я слышу карканье воронъ,
Смущенныхъ холодомъ и тьмой...
Я вижу мракъ, но что мнѣ онъ.
Коль добръ и ясенъ разумъ мой?
За мной, кто смѣлъ: Да сгинетъ тьма!
Душѣ живой въ ней мѣста нѣтъ!
Зажжемъ сердца огнемъ ума,
И воцарится всюду свѣтъ! и т. д.

Послѣ этого онъ держитъ къ птицамъ такую рѣчь: „Мы не должны уставать и должны всегда бороться и все побѣдить, чтобы оправдать самихъ себя въ своихъ глазахъ, чтобы имѣть право сказать: все прошедшее, настоящее и будущее—это мы, а не слѣпая сила стихій. Путь, по которому мы должны итти, мнѣ незнакомъ, но я увѣренъ, что нужно итти впередъ. Тамъ страна, достойная быть наградой„. Вдохновенный призывъ Чижа ободрилъ всѣхъ птицъ, „всѣмъ стало такъ легко, хорошо, всѣ чувствовали, что въ сердцахъ родилось такое страстное желаніе жизни и счастья". Но тутъ выступилъ благоразумный Дятель съ „фактами въ рукахъ", и, какъ дважды два—четыре, доказалъ всю призрачность призывовъ Чижа. Оказывается, что благословенной страны нигдѣ нѣтъ, и птицъ всюду ожидаетъ то-же, если не гораздо худшее, что и въ ихъ родной рощѣ. Рѣчь Дятла охладила рвеніе птицъ и сдѣлала глубоко несчастнымъ Чижа. „Я солгалъ—думалъ онъ, оставшись одинокимъ,—да, я солгалъ, потому что мнѣ неизвѣстно, что тамъ за рощей, но вѣдь вѣрить и надѣяться такъ хорошо! Я же только хотѣлъ пробудить вѣру и надежду и вотъ почему я солгалъ... Онъ, Дятелъ, можетъ быть, и правъ, но на что нужна правда, когда она камнемъ ложится на крылья и не позволяетъ высоко взлетѣть въ небеса!" ,Характерно заключеніе автора, объясняющее его точку зрѣнія на Чижа, Дятла и птицъ: „прочитавъ эту исторію, ты, конечно, увидишь, что Чижъ благороденъ, но не имѣетъ вѣры и поэтому нищъ духомъ: Дятелъ благоразуменъ, но пошлъ, а птицы-слушатели отзывчивы лишь потому, что любопытны, но они въ сущности черствы сердцемъ и мелки, позорно мелки..." И такъ, несча-

1) Этотъ разсказъ помѣщенъ только въ первомъ изданіи сочиненій Горькаго.

стье Чижа заключается, по мнѣнію автора, только въ томъ, что онъ не вѣритъ въ то, что говоритъ, не вѣритъ, что гдѣ-то впереди есть лучшія условія существованія. Не бѣда, если въ дѣйствительности этого лучшаго нѣтъ вовсе, нужно только вѣрить: „вѣрить и надѣяться такъ хорошо!“ Но каково-же это лучшее? въ чемъ оно заключается и дѣйствительно-ли оно будетъ лучшимъ? Чижъ не знаетъ этого и не хочетъ знать,— ему нужно только вѣрить, и если въ немъ есть вѣра въ лучшее будущее, то этого, по мнѣнію автора, вполнѣ достаточно. Невольно думается, что и самому автору не совсѣмъ ясно, куда нужно итти, чтобы „воцарился всюду свѣтъ,“ и какъ достигнуть той обѣтованной земли, гдѣ царитъ всеобщее счастье. Не даромъ-же онъ заставляетъ своего Чижа не вѣрить въ ея существованіе и сознательно, изъ благородныхъ, правда, побужденій, вводитъ въ обманъ другихъ птицъ.

IV.

Мы возстановили, насколько это было возможно, имѣя въ распоряженіи первые три тома сочиненій, общее міровоззрѣніе Горькаго; для этого намъ пришлось коснуться какъ общихъ разсужденій его о жизни, такъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его произведеній, которыя возникли, повидимому, не столько подъ вліяніемъ полученныхъ отъ окружающей дѣйствительности впечатлѣній, сколько вслѣдствіе естественной для художника потребности выразить въ поэтическихъ образахъ свое жизнепониманіе. Въ дальнѣйшемъ намъ не разъ прійдется обращаться къ сдѣланному выше своду взглядовъ нашего автора на жизнь для объясненія тѣхъ или иныхъ особенностей созданныхъ имъ образовъ. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ очерковъ и разсказовъ Максима Горькаго, которые даютъ картины современной намъ жизни: этими произведеніями Горькій пріобрѣлъ себѣ широкую извѣстность въ читающей публикѣ и вызвалъ горячій интересъ къ своему дарованію. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, какъ критика, такъ, кажется, и читатели обращаютъ все свое вниманіе только на одну сторону произведеній Горькаго—изображеніе въ нихъ босяка; въ немъ видятъ только поэта, водворившаго въ литературу босяка, золоторотца. Такъ г. Андреевичъ, критикъ журнала „Жизнь“, говоритъ, что Горькій посвящаетъ босяку всѣ свои силы, все свое поэтическое одушевленіе, весь свой талантъ (Ж. 900. 4. с. 313). То-же самое или почти то-же говорятъ и другіе критики нашего автора. Они точно не за-

мѣчаютъ цѣлаго ряда любопытныхъ разсказовъ Горькаго, гдѣ или вовсе нѣтъ рѣчи о босякѣ, или онъ является мимоходомъ, отнюдь не центральной фигурой, а только эпизодическимъ лицомъ. Психологически вполнѣ понятно такое одностороннее разсмотрѣніе литературной дѣятельности Горькаго; разсказы, въ которыхъ фигурируютъ босяки, настолько показались новы и оригинальны въ нашей литературѣ, что все остальное, созданное тѣмъ-же авторомъ, теряло свое значеніе при сопоставленіи съ ними. Но, съ другой стороны, было-бы большой ошибкой видѣть въ Горькомъ только бытописателя босяковъ. Это значительно суживало-бы понятіе о его въ сущности довольно широкомъ и разнообразномъ дарованіи и далеко не охватило бы всего того, что создалъ даже въ первые годы своей литературной дѣятельности этотъ писатель. Поэтому для болѣе или менѣе всесторонняго выясненія общаго характера творчества Максима Горькаго нужно будетъ хоть отчасти остановиться на всѣхъ достаточно разнообразныхъ по своему содержанію группахъ его произведеній.

Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ, конечно, тѣ разсказы, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ широкую извѣстность и славу водворителя босяка въ литературѣ. На этой группѣ его произведеній мы и остановимся сначала, чтобы выяснить какъ отличительныя черты его героевъ, такъ и отношеніе къ нимъ автора. Сюда мы отнесемъ также и тѣ изъ разсказовъ, въ которыхъ если и нѣтъ типичнаго босяка, то можно указать образы, родственные по своимъ отличительнымъ свойствамъ представителямъ „гольтепы". Намъ прійдется въ большей или меньшей степени касаться слѣдующихъ произведеній: „Челкашъ", „Коноваловъ", „Мальва", „Въ степи", „Супруги Орловы", „Тоска", „Дѣло съ застежками", „Проходимецъ", „Бывшіе люди" и др. Мы не будемъ останавливаться на каждомъ отдѣльномъ типѣ, изображенномъ въ этихъ разсказахъ, предполагая, что они достаточно извѣстны читателю. Мы постараемся только опредѣлить въ цѣломъ рядѣ образовъ общія характерныя черты, присущія, по мнѣнію Горькаго, той группѣ людей, которая наиболѣе привлекала его творчество. При этомъ прійдется его героевъ раздѣлить на двѣ категоріи: на босяковъ изъ народа и на босяковъ, вышедшихъ изъ интеллигенціи. Первые гораздо чаще встрѣчаются у Горькаго, но зато вторые какъ то менѣе сложны по своей натурѣ и легче поддаются характеристикѣ, быть можетъ, потому, что авторъ лучше умѣетъ опредѣлить ихъ чувства и настроенія. Начнемъ съ первыхъ.

Одной изъ отличительныхъ особенностей ихъ, сразу бросающейся въ глаза и безусловно характерной для всѣхъ

отдѣльныхъ разновидностей этого типа, является ихъ оторванность отъ семьи и среды, къ которой они нѣкогда принадлежали. Мало того, у нихъ вообще, кажется, нѣтъ сильныхъ привязанностей къ кому-либо. Это какія-то вольныя птицы, живущія исключительно настоящимъ и не заглядывающія въ будущее, изрѣдка и неохотно говорящія о своемъ прошломъ. Бываетъ такъ, что на ихъ долю выпадаетъ хорошая, спокойная жизнь: казалось-бы, отъ добра добра не ищутъ. Но не тутъ то было! Они бросаютъ теплое, насиженное мѣсто, вѣрный кусокъ хлѣба, симпатичныхъ имъ людей, часто любимую и беззавѣтно любящую женщину и уходятъ на поиски какой-то новой жизни, новыхъ, свѣжихъ, сильныхъ впечатлѣній.

Вотъ передъ нами веселый, вольный человѣкъ, „умѣющій жить", работникъ на мельницѣ Кузьма (см. раз. „Тоска", страничка изъ жизни одного мельника). Хозяинъ его любитъ, готовъ ему жалованья прибавить, работа тоже его не тяготитъ, наконецъ, тутъ-же у него, рядомъ съ нимъ, любимая дѣвушка, готовая все отдать, лишь бы соединиться съ нимъ узами брака. Но вотъ какія рѣчи говоритъ этой дѣвушкѣ Кузьма: „Не проси, говорю! Не въ моей это силѣ, чтобы здѣсь остаться; уйду я за Кубань... Волю мою ни на какую жену, ни на какія хаты не промѣняю. Родился я, слышь, подъ заборомъ и помру подъ нимъ. Судьба такая! По сѣдые волосы вдоль да поперекъ шляться буду... А на одномъ мѣстѣ скучно мнѣ"... Этотъ Кузьма такъ отвѣчаетъ хозяину на предложеніе остается у него: „Нѣтъ, я ужъ уйду. Въ степь надо—приволье тамъ... эхъ ты! И мнѣ тоже васъ будетъ жалко—привыкъ. А уйду, потому тянетъ! Самому противъ себя не надо спорить. Коли кто противъ себя заспоритъ, пиши—пропалъ человѣкъ" (т. 1 с. 89, 94). То-же самое или почти то-же происходитъ и съ другимъ героемъ Горькаго—съ Коноваловымъ. Полюбила его какая-то купчиха, у которой онъ былъ кучеромъ; жилось ему, съ его точки зрѣнія, хорошо. „Удивительно даже, до чего она хорошій человѣкъ была... но все таки ушелъ отъ нея"... (т. 2 с. 13). [1]).

Уже изъ двухъ отмѣченныхъ чертъ героевъ Горькаго видно, что это какіе-то не совсѣмъ обыкновенные люди. Они не могутъ помириться съ тѣми условіями существованія, въ которыхъ живетъ и порою благоденствуетъ заурядный человѣкъ ихъ среды.

[1]) Тотъ-же Коноваловъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о себѣ: „ни угла своего, ни жены, ни дѣтей... и ни до чего этого даже охоты нѣтъ". (т. 2, 22).

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
А онъ мятежный проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой. —

этими словами вполнѣ характеризуются указанныя выше свойства разсматриваемой нами группы босяковъ Горькаго.

Но чѣмъ-же объяснить это если не „исканіе бури", то, во всякомъ случаѣ, вѣчно тлѣющее въ глубинѣ души и порою ярко вспыхивающее стремленіе куда-то вдаль, къ новымъ, неизвѣданнымъ ощущеніямъ, къ другой, хоть и худшей, но все-же новой жизни? Посмотримъ сначала, какъ объясняютъ свою оторванность отъ среды и болѣе или менѣе благопріятно сложившихся условій жизни сами эти Коноваловы, Орловы и другіе аналогичные съ ними герои.

Объясняя автору, почему онъ разстался съ купчихой, Коноваловъ говоритъ: „На меня, видишь ты, тоска находитъ. Такая, скажу я тебѣ, братецъ мой, тоска, что невозможно мнѣ въ ту пору жить, совсѣмъ нельзя. Какъ будто я одинъ человѣкъ на всемъ свѣтѣ и, кромѣ меня, нигдѣ ничего нѣтъ. И все мнѣ въ ту пору противѣетъ, все, какъ есть; и самъ я себѣ становлюсь въ тягость, и всѣ люди: хоть помирай — не ахну!" (т. 2 с. 11). Нѣчто подобное говоритъ и Кузьма въ „Тоскѣ": его „тянетъ" бросить насиженное мѣсто, и онъ слѣдуетъ этому неопредѣленному, стихійному влеченію, потому что „самому противъ себя не надо спорить". Григорій Орловъ (см. „Супруги Орловы"), превратившійся впослѣдствіи въ самаго настоящаго босяка, еще будучи осѣдлымъ человѣкомъ и проводя вмѣстѣ со своей женой цѣлые дни за работой (онъ сапожникъ), изнываетъ отъ тоски и отъ времени до времени находитъ выходы изъ этого мучительнаго состоянія въ безобразномъ пьянствѣ и дракахъ съ женою. Онъ никакъ не можетъ понять, какъ это возможно удовлетворяться такой жизнью. Вотъ образчикъ его разговоровъ на эту тему съ женою: „Я не пазачъ какой... и не для удовольствія бью, а отъ тоски"... На вопросъ жены, откуда эта тоска, Орловъ отвѣчаетъ: „Я родился, видно, съ безпокойствомъ въ сердцѣ"... Этотъ тоже говоритъ о „тоскѣ", „безпокойствѣ", какъ главной причинѣ, не дающей ему возможности жить спокойно. То же самое можно было-бы сказать и о другихъ герояхъ Горькаго[2].

Пойдемъ дальше и попробуемъ, изъ словъ самихъ же героевъ, выяснить что это за „тоска", „безпокойство" откуда это роковое „тянетъ", которому какъ будто противъ воли и съ болью въ сердцѣ подчиняется человѣкъ.

[2]) Срав., напр. т. 1 с. 336, т. 2, с. 125.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоска эта—чисто врожденная, стихійная потребность въ вольной, свободной жизни. Инстинктъ бродяги, чувство вѣчнаго стремленія къ свободѣ не позволяетъ этимъ людямъ отдаться на сколько нибудь продолжительное время осѣдлой, спокойной жизни. „Люблю я, другъ, эту бродяжную жизнь,—философствуетъ одинъ изъ босяковъ въ разсказѣ „Въ степи",—оно и холодно, и голодно, но свободно ужъ очень. Нѣтъ надъ тобой никакого начальства, самъ ты своей жизни хозяинъ... Хоть голову себѣ откуси—никто тебѣ слова не можетъ сказать... хорошо..." (т. 2 с. 344—5). Уже знакомый намъ нѣсколько Коноваловъ такъ уговариваетъ автора отправиться вмѣстѣ съ нимъ бродяжничать: „совсѣмъ напрасно ты, Максимъ, въ городахъ трешься. И что тебя къ нимъ тянетъ? Тухлая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху, ни простору, ничего, что человѣку надо... Я, братъ, рѣшилъ ходить по землѣ въ разныя стороны—это всего лучше. Идешь и все видишь новое... И ни о чемъ не думается... Дуетъ тебѣ вѣтерокъ навстрѣчу и точно онъ выгоняетъ изъ души разную пыль. Легко и свободно... Никакого ни отъ кого стѣсненія: захотѣлъ ѣсть, присталъ, поработалъ на полтину; нѣтъ работы—попроси хлѣба—дадутъ. Такъ хоть земли много увидишь... Красоты всякой". (т. 2 с. 71). Число подобнаго рода цитатъ можно было-бы значительно увеличить, такъ какъ эта органическая потребность въ „раздольѣ-чистомъ полѣ" ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемой, полной, самой широкой свободѣ жизни присуща очень многимъ изъ героевъ Горькаго разсматриваемой категоріи [1]).

Это широкое, стихійное стремленіе къ свободѣ стоитъ въ связи съ другой чертой анализируемыхъ нами типовъ: они „любятъ жить", жадны къ жизни, къ новымъ впечатлѣніямъ. Здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ чисто органической, врожденной чертой. Одаренные ею всегда ищутъ чего-то новаго, неизвѣданнаго, у нихъ вѣчное „безпокойство въ сердцѣ", которое не позволяетъ имъ втянуться въ обычную, будничную жизнь. Отсюда вѣчная неудовлетворенность настоящимъ, вѣчная погоня за новыми ощущеніями, которыя иногда хоть и доставляютъ страданіе, но зато дѣлаютъ жизнь болѣе полной, разнообразной. Полнота жизни, достигаемая цѣлой гаммой разнообразныхъ впечатлѣній, жизнь, что называется, во всю—

[1]) Срав., напр. замѣчанія Григорія Орлова: „быть босякомъ—самое лучшее положеніе на свѣтѣ-свободно". (т. 1 с. 336). Мальва тоже дорожитъ свободой: „здѣсь я ничья... свободная... какъ чайка! Куда захочу, туда полечу! никто мнѣ дороги не загородитъ, никто не тронетъ" (т. 2, с. 225).

таковъ иногда безсознательный, а иногда и ясно представляемый идеалъ этихъ людей.

Изнывая отъ однообразной, монотонной жизни, сапожникъ Орловъ „развлекается“ тѣмъ, что временами колотитъ до полусмерти свою жену Матрену. Какъ-же Матрена относится къ этому? „Любои озлобляли ее, *зло же доставляло ей великое наслажденіе, возбуждая всю ея душу*, и она вмѣсто того, чтобы двумя словами угасить его ревность, еще болѣе подзадоривала его, улыбаясь ему въ лицо странными, многозначительными улыбками“ (т. 1 с. 271). Матрена наслаждается этимъ „возбужденіемъ всей ея души“, своеобразной полнотой жизни, нужды нѣтъ, что она достигается тяжелыми страданіями. Этой-же неодолимой потребностью въ сильныхъ впечатлѣніяхъ, разнообразящихъ жизнь, и мучительной тоской, когда ихъ нѣтъ, объясняется и дебоширство Орлова. „Они любили другъ друга, говоритъ авторъ объ Орловыхъ,—но имъ было такъ скучно жить, у нихъ почти не было впечатлѣній и интересовъ, которые могли-бы порой дать имъ возможность отдохнуть другъ отъ друга и удовлетворяли бы естественную потребность человѣческаго духа—волноваться, думать, горѣть и вообще-жить“. „Работница да скучница, скучница да работница“, жалуется Орловъ. „Понимаешь, Мотря, иной разъ глаза бы мои на тебя не смотрѣли! Вродѣ какъ бы объѣлся я тобой. И подступитъ мнѣ въ ту пору подъ сердце этакое зло разорвалъ бы я тебя да себя заодно. И чѣмъ ты предо мной правѣе, тѣмъ больше бить хочется“... (т. 1 с. 26—9). И Челкашъ, этотъ воръ и циникъ, „жаденъ на впечатлѣнія“ (т. 1 с. 19), и Мальва, и старуха Изергиль; работникъ Кузьма, съ легкимъ сердцемъ бросающій любимую дѣвушку, тоже проповѣдуетъ жизнь для жизни: „жить надо такъ и эдакъ—во всю чтобы!“ (т. 1 с. 90), и т. д.

Но не только этой жаждой жизни объясняется тоска, которая овладѣваетъ героями Горькаго и превращаетъ ихъ въ босяковъ или же не позволяетъ имъ выйти изъ этого не особенно почетнаго положенія. Тотъ же Григорій Орловъ, о которомъ мы уже не разъ упоминали, въ минуты примиренія съ женою, желая объяснить ей, почему онъ колотитъ ее, говоритъ: „Эхъ, жизнь, каторга ты велитѣйная! Отъ ямы это, Мотря! Что мы? Вродѣ какъ бы прежде смерти въ землю похоронены“... (т. 1 с. 272), разумѣя подъ „ямой“ весь строй своей жизни. Когда ему удалось выбраться изъ этой „ямы“, зажить хорошей сознательной жизнью (см. разсказъ), онъ перемѣнилъ-было и свое отношеніе къ женѣ. „Вѣдь, если я иной разъ обижалъ тебя—отъ тоски это, Мотря! Жили

въ ямѣ... свѣту не видѣли, людей почти не знали. Выбрался я изъ ямы и прозрѣлъ, вродѣ какъ слѣпой былъ насчетъ жизни" (т. 1 с. 311). А Коноваловъ такъ разсуждаетъ объ эпохѣ Стеньки Разина и о современной жизни: „Все таки въ ту пору можно было жить. Свободно. Было куда податься можно было душу отвести. Теперь вотъ тишина и смиренство... порядокъ... ежели со стороны посмотрѣть, такъ совсѣмъ даже смирная жизнь теперь стала. Книжки, грамота... А всетаки человѣкъ безъ защиты живетъ, и никакого призору за нимъ нѣтъ. Грѣшить ему запрещено, но не грѣшить невозможно. Потому на улицахъ то порядокъ, а на душѣ — путаница. И никто не можетъ понимать". (т. 2 с. 48). Эти довольно значительныя выдержки изъ разсужденій Орлова и Коновалова о жизни имѣютъ очень важное значеніе для объясненія того, почему разсматриваемые нами типы поддаются какой-то „тоскѣ", вышибающей ихъ изъ привычной колеи жизни. Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ какими-то стихійными порываніями къ свободѣ и независимости, которыя ни при какихъ условіяхъ не даютъ человѣку покоя и обращаютъ его въ своего рода Вѣчнаго Жида, скитающагося по лицу родной земли въ поискахъ лучшей доли; передъ нами самая реальная, всѣмъ понятная причина жизнь, подобная пребыванію въ ямѣ, невыносимыя условія существованія, обращающія человѣка въ раба, лишающія его возможности сколько-нибудь скрасить свою горемычную долю.

Только въ одномъ случаѣ, описывая жизнь супруговъ Орловыхъ, Горькій даетъ намъ довольно яркую картинку этой „жизни въ ямѣ", которая, въ концѣ концовъ, приводитъ нѣкоторыхъ къ „тоскѣ", а эта послѣдняя толкаетъ ихъ въ разрядъ босяковъ; въ другихъ разсказахъ онъ или-же ограничивается только общими, ничего въ сущности не дающими читателю указаніями, какъ въ „Челкашѣ", или же просто обходитъ молчаніемъ этотъ вопросъ. Тѣмъ болѣе цѣнна для насъ эта картина жизни Григорія Орлова: возстановивъ ее, мы скорѣе и лучше поймемъ, что это за „жизнь въ ямѣ", на которую жалуется главное лицо разсказа, и которая, будучи типической для извѣстной группы людей, тѣмъ самымъ получаетъ въ нашихъ глазахъ еще большій интересъ.

Что-же это за жизнь? Пусть говоритъ самъ авторъ.

„Подвалъ, въ которомъ они (Орловы) помѣщались, представлялъ собою большую, продолговатую, темную комнату со сводчатымъ потолкомъ. Прямо у двери стояла большая русская печь, челомъ къ окнамъ; между нею и стѣной узенькій проходъ велъ въ квадратъ, освѣщенный двумя окнами, выходившими во дворъ. Свѣтъ падалъ изъ нихъ въ подвалъ

косыми, мутными полосами, и въ комнатѣ было сыро, глухо, мертво. Жизнь билась гдѣ-то тамъ, далеко наверху, а сюда залетали отъ нея только глухіе, неопредѣленные звуки, падавшіе вмѣстѣ съ пылью въ яму къ Орловымъ какими-то безформенными и безцвѣтными хлопьями... По стѣнамъ лѣниво путешествовали тараканы, объѣдая хлѣбный мякишъ, которымъ были приклеены къ штукатуркѣ разныя картинки изъ старыхъ журналовъ; унылыя мухи летали повсюду, скучно жужжа, и засиженныя ими картинки смотрѣли темными пятнами съ грязно-сѣраго фона стѣнъ". (см. 1 с. 263). Такова внѣшняя обстановка жизни Орловыхъ. Представьте себѣ этотъ подвалъ, со всѣми подробностями, которыя такъ просто и такъ художественно отмѣчаетъ авторъ; вы поймете, что такая обстановка, если въ ней приходится жить изо дня въ день, безо всякаго притока свѣжихъ, новыхъ впечатлѣній, за однообразной скучной работой, удручающимъ образомъ должна дѣйствовать на человѣка, способна парализовать его умъ, энергію, влеченіе къ труду или же посѣять въ немъ тяжелое недовольство, глухую злобу противъ себя самого и своего убогаго, сѣренькаго существованія.

А жизнь Орловыхъ въ этой конурѣ проходила именно такимъ образомъ, что еще болѣе усиливала удручающее впечатлѣніе внѣшней обстановки. Часовъ съ семи утра, послѣ чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ, котораго они съѣдали фунтъ, оба они садились за работу. „Онъ дѣлалъ чистую работу, требовавшую руки мастера, жена сучила дратву, подклеивала поднарядъ, дѣлала набойки на стоптанные каблуки и тому подобныя мелочи... Сначала работали молча—о чемъ имъ было говорить? Перекинутся парой словъ, относящихся къ работѣ, и молчатъ по получасу и больше. Стучитъ молотокъ, шипитъ дратва, продѣваемая сквозь кожу. Григорій иногда зѣвнетъ и непремѣнно заключаетъ зѣвокъ протяжнымъ ревомъ или воемъ. Матрена вздыхаетъ и молчитъ. Иногда Орловъ запѣвалъ пѣсню... Слова пѣсни то собирались въ жалобный и быстрый речитативъ и, какъ бы боясь не договорить того, что хотѣли сказать, стремительно рвались изъ Гришкиной груди, то вдругъ растягивались въ грустные вздохи и съ воплемъ „эхъ!"—тоскливые и громкіе летѣли въ окна на дворѣ. Матрена подтягивала мужу своимъ мягкимъ контральто... Оба они во время пѣнія не чувствовали присутствія другъ друга, стараясь излить въ чужихъ словахъ пустоту и скуку своей темной жизни, хотѣли, быть можетъ, оформить этими словами тѣ полусознательныя мысли и ощущенія, которыя зарождались въ ихъ душахъ" (т. 1 с. 264—5). Временами Григорій вставлялъ въ пѣсню собственныя импро-

визаціи на тему о „треклятой жизни“, „проклятущей тоскѣ“. Эти импровизаціи, угнетавшія Матрену, вызывали ссоры съ сладкими минутами примиренія. Иногда жалобы Григорія на „треклятущую жизнь“ и возраженія Матрены въ родѣ: „а ты бы вотъ не пилъ винища-то,—и жилось бы тебѣ веселѣе“, влекли за собою новую вспышку ссоры съ нѣжнымъ примиреніемъ, послѣ котораго изъ за пустяка возникла уже формальная потасовка, и такъ изо дня въ день вплоть до субботы, когда между ними происходило настоящее „страженіе“, такъ какъ Григорій, раздраженный увѣщаніями жены не ходить въ трактиръ, избивалъ ее до полусмерти и отправлялся пропивать свой заработокъ. „Постоянно одинъ у другого на глазахъ, они привыкли другъ къ другу, знали всѣ слова и жесты одинъ другого. День шелъ за днемъ и не вносилъ въ ихъ жизнь ничего, что развлекало-бы ихъ. Иногда по праздникамъ они ходили въ гости къ такимъ-же нищимъ духомъ, какъ они сами, иногда къ нимъ приходили гости, пили, пѣли, часто дрались. А потомъ снова одинъ за другимъ тянулись безцвѣтные дни, какъ звенья невидимой цѣпи, отягчавшей жизнь этихъ людей работой, скупой и безсмысленнымъ раздраженіемъ другъ противъ друга“.

Такова, въ общихъ чертахъ, эта поражающая своимъ убожествомъ во всѣхъ отношеніяхъ жизнь, лишенная какой-бы то ни было цѣли и свѣжихъ, бодрящихъ впечатлѣній. Теперь для насъ понятно, почему люди съ здоровой, энергичной натурой, съ болѣе или менѣе пытливымъ умомъ, не могущіе приспособиться ко всякимъ условіямъ существованія, подобно Орлову, задыхаются въ этой атмосферѣ. И нѣтъ при современномъ общественномъ строѣ никакихъ средствъ, чтобы помочь этому изнывающему въ „ямѣ“ человѣку, съ путаницей въ душѣ: человѣкъ, говоря приведенными выше словами Коновалова, все-таки безъ защиты живетъ и никакого призору за нимъ нѣтъ. Эта сдѣланная выше выписка изъ „Коновалова“ [1]), откуда мы взяли и только что приведенную фразу, въ сопоставленіи съ общей картиной жизни Орловыхъ, есть какъ бы обобщеніе этого частнаго явленія, возведеніе его на степень типическаго для современной жизни. Писатель, устами Коновалова, какъ бы хочетъ сказать: вся жизнь для нѣкоторыхъ классовъ нашего общества такова, и негдѣ человѣку, попавшему въ столь гнетущія условія существованія, „душу отвести“.

Отсюда ясно, какъ сами условія жизни, въ значительной степени, способствуетъ тому, чтобы люди „сильно алчущіе

[1]) См. стр. 23.

и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые" пополняли собою ряды босяковъ. Наоборотъ, измѣните эти условія, дайте пожить такому человѣку другой, лучшей жизнью, и онъ самъ измѣнится, станетъ лучшимъ и развернетъ передъ вами богатыя сокровища своей недюжинной натуры. Именно это хочетъ, повидимому, сказать авторъ дальнѣйшей судьбой Григорія Орлова, вплоть до его нелѣпой выходки въ холерномъ баракѣ. Орловы попадаютъ въ качествѣ служителей въ холерный баракъ. Кипучая, самоотверженная дѣятельность и санитаровъ, лихорадочная возня съ больными, доброе, участливое отношеніе со стороны начальства, наконецъ, одухотворяющая атмосфера серьезнаго труда на общую пользу— все это какъ то сразу перерождаетъ Орлова. „Примусь я тутъ работать,—говоритъ онъ женѣ,—даже небу жарко станетъ, вотъ какъ! Потому есть причина у меня на это. Во первыхъ, люди здѣсь, я тебѣ скажу, не существующіе на землѣ, во вторыхъ, работа сама. Это, братъ, великое дѣло, въ родѣ войны, напримѣръ". (т. 1 с. 305). Въ немъ загорается желаніе сдѣлать что-либо выдающееся, необыкновенное, что заставило-бы всѣхъ обратить на него вниманіе. „Это было своеобразное честолюбіе человѣка, который вдругъ сознаетъ себя таковымъ и, какъ бы еще не увѣренный въ этомъ новомъ для него фактѣ, хотѣлъ подтвердить его чѣмъ-либо для себя и другихъ: это было честолюбіе, постепенно перерождавшееся въ жажду безкорыстнаго подвига" (т. 1 с. 307). Такимъ образомъ, въ новой, болѣе благопріятной обстановкѣ Орловъ сталъ другимъ человѣкомъ и на поприщѣ своей далеко не легкой обязанности успѣлъ въ три-четыре дня заслужить нѣсколько лестныхъ отзывовъ о себѣ. Измѣнились и его отношенія къ женѣ, которую онъ сталъ гораздо болѣе цѣнить и видѣть въ ней близкое, расположенное къ нему существо. Если Орловъ въ скоромъ времени опять „схвихнулся", то причина этого лежитъ уже не въ условіяхъ жизни, а въ немъ самомъ. Въ его натурѣ есть одна черта, родняцая его и съ другими однородными типами босяковъ Горькаго. Черта эта, которая, въ концѣ концовъ, и погубила Григорія Орлова, заставивъ его, послѣ глупаго скандала, бросить службу въ баракѣ, есть какое-то смутное, неопредѣленное порываніе къ чему-то необыкновенному, чрезвычайному, хотя бы это было связано съ гибелью. „Горитъ у меня душа... хочется ей простора... чтобъ могъ я развернуться во всю силу... Эхъ-ма! силу я въ себѣ чувствую— необоримую! То-есть, если-бъ эта, напримѣръ, холера да преобразилась въ человѣка... хоть въ самого Илію Муромца,— сцѣпился бы я съ ней! Иди на смертный бой! Ты сила и я,

Гришка Орловъ, сила,—ну, кто кого? И придушилъ бы я ее и самъ бы легъ... Понимаешь, на сто ножей бросился бы я... но чтобы съ пользой" (т. 1 с. 309). Такъ раскрываетъ намъ Григорій Орловъ заговорившее въ немъ стремленіе къ подвигу. Подъ вліяніемъ этого все болѣе и болѣе разгорающагося стремленія, онъ перестаетъ видѣть смыслъ въ своей работѣ въ баракѣ, но что дѣлать, онъ не знаетъ, въ душѣ попрежнему поселяется сумятица и тоска, и онъ, какъ извѣстно, кончаетъ тѣмъ, что, бросивши жену и службу, превращается въ босяка. Такимъ образомъ, для насъ выяснилась еще одна черта, присущая нѣкоторымъ изъ босяковъ Горькаго, которой объясняется почему они никакъ не могутъ приспособиться къ сколько-нибудь обычнымъ условіямъ жизни.

Это тяготѣніе къ чему-то чрезвычайному [1]) вмѣстѣ съ невозможностью осуществить его на дѣлѣ порождаетъ въ Орловѣ какую-то боязнь передъ жизнью, незнаніе, что нужно дѣлать, за что взяться. „Такъ мнѣ тошно, такъ мнѣ тѣсно на землѣ,—жалуется Орловъ своей женѣ,—вѣдь, развѣ это жизнь? Ну, скажемъ, холерные,—что они? Развѣ они мнѣ поддержка? Одни помрутъ, другіе выздоровѣютъ... а я опять долженъ буду жить, *какъ жить?* Не жизнь—однѣ судороги... развѣ не обидно мнѣ!" (т. 1 с. 328). Подобное-же смятеніе передъ жизнью мы видимъ и въ другихъ типахъ Горькаго. Особенно ярко оно сказывается въ Коноваловѣ; на его разсужденіяхъ на этотъ счетъ мы и остановились теперь. „Жизнь у меня безъ всякаго оправданія. Зачѣмъ я живу на землѣ и кому я на ней нуженъ, если посмотрѣть?... Живу и тоскую... Про что? Неизвѣстно. Въ родѣ того со мной, какъ бы меня мать на смерть родила безъ чего-то такого, что у всѣхъ другихъ людей есть, и что человѣку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ... Вотъ я живу, и дѣться мнѣ некуда... ни къ чему я не могу прикоснуться... и это есть безпорядокъ такая жизнь" (т. II с. 223). И эта тоска, вызванная отсутствіемъ жизненной цѣли, незнаніемъ, какъ жить, неумѣніемъ найти „свою точку" въ жизни, не есть явленіе временное, она не покидаетъ Коновалова во всю его жизнь, заставляетъ его скитаться по свѣту и, наконецъ, доводитъ до самоубійства, „Ржавчина недоумѣнія передъ жизнью и рядъ думъ о ней разъѣдали эту могучую фигуру, рожденную, къ ея несчастью, съ чуткимъ сердцемъ"

[1]) То-же у Мальвы: „Мнѣ иной разъ кажется, что если-бы баракъ ночью поджечь—вотъ суматоха была-бы!!!" (т. 2 с. 126).

(с. 73). Такъ онъ и до конца дней своихъ „не нашелъ себѣ мѣста“, которое онъ тщетно старался обрѣсти въ долгихъ скитаніяхъ по родной землѣ. „Такихъ „задумавшихся“ людей,—добавляетъ авторъ,—много въ русской жизни, и всѣ они болѣе несчастны, чѣмъ кто-либо, потому что тяжесть ихъ думъ увеличена слѣпотой ихъ ума“ (ib.). Безрукій Михаилъ, Костя, Таня (см. разск. „Тоска“)—всѣ они убѣждены, что „человѣку нѣкуда податься... ни на вершокъ“, что въ жизни „никому ничего неизвѣстно... тьма“; у нихъ тоже такая-же сумятица въ душѣ, какъ и у Коновалова: не даромъ они своей пѣсней о потерянной долѣ и злой тоскѣ-кручинѣ такъ захватываютъ сердца слушателей:

Эхъ, да въ непогоду
Вѣтеръ воетъ, завываетъ,
А мою головушку
Злая грусть терзаетъ.
Эхъ, да и пойду я въ степи,
Поищу тамъ доли:
Матушка-пустыня,
Пріюти сиротку.
Я сижу у моря;
Доли себѣ дожду...
Доля, моя доля, гдѣ ты?..

Въ эти чужія слова пѣсни влагаютъ они *свое* недоумѣніе передъ жизнью, тоску заблудившагося человѣка, *свою* душевную сумятицу,—оттого она такъ и дѣйствуетъ и на нихъ самихъ, и на слушателей.

Душевная сумятица, исканіе своей „точки“ въ жизни вызываетъ въ герояхъ Горькаго какое-то смѣшанное съ жалостью озлобленіе къ людямъ, которые своими жалкими, эгоистическими интересами и подлыми поступками только еще болѣе запутываютъ жизнь и не даютъ тоскующему, заблудшему человѣку найти свое мѣсто. Это презрительное отношеніе и озлобленіе противъ людей характеризуетъ очень многихъ изъ героевъ Горькаго. Чтобы не быть голословными, приведемъ два-три примѣра, пойболѣе сильныхъ и яркихъ. Къ караульщику на морской косѣ, Василію, пріѣзжаетъ отъ времени до времени его любовница, работница на рыбныхъ промыслахъ, по имени Мальва. (см. разсказъ того-же названія). Эта Мальва, разнузданная, распущенная натура, циничная, грязная, постоянно мѣняющая своихъ возлюбленныхъ, такъ говоритъ о себѣ Василію, который вздумалъ было утверждать, что она жить безъ него не можетъ: „напрасно ты это... Можетъ, я не тебя люблю и не къ тебѣ хожу, а люблю я только мѣсто это... Можетъ, мнѣ

то нравится, что здѣсь пусто—море да небо, и никакихъ подлыхъ людей нѣтъ. А что ты тутъ—это все равно мнѣ... Сережка былъ-бы, къ нему бы ходила, сынъ твой будетъ,—къ нему пойду... А еще лучше, кабы васъ вовсе никого не было... обрыдли вы мнѣ" (т. 2 с. 90). Или-же ниже: „Иной разъ сѣла-бъ въ лодку и въ море! Далеко! И чтобъ никогда больше людей не видать. А иной разъ такъ бы каждаго человѣка завертѣла и пустила волчкомъ вокругъ себя. Смотрѣла бы на него и смѣялась. То жалко всѣхъ мнѣ, а пуще всѣхъ—себя самое, то избила-бы весь народъ. И потомъ-бы себя... страшной смертью" (ib. с. 125). Почти то-же самое, только съ гораздо большимъ озлобленіемъ и пессимизмомъ, говоритъ и Григорій Орловъ, окончательно спившійся и ставшій босякомъ: „И по сію пору хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одного! Или вообще что нибудь этакое, чтобъ встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ, вы гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣрное и больше ничего! И потомъ внизъ тормашками съ высоты и... въ дребезги! Противно все: города, деревни, люди разныхъ калибровъ... тфу! Неужто-же лучше этого и выдумать ничего нельзя? Всѣ другъ на друга... такъ бы всѣхъ и передушилъ!" (т. I с. 336).

На ряду съ озлобленіемъ противъ людей вообще въ наиболѣе законченныхъ типахъ Горькаго мы видимъ особенно сильное отвращеніе къ крестьянину и укладамъ всей его жизни. Рыжебородый молодецъ, широкая натура Сережка (см. раз. „Мальва"), котораго Мальва высоко ставитъ за то, что онъ „вездѣ бывалъ, сквозь прошелъ и никого не боится", терпѣть не можетъ мужиковъ-земледѣльцевъ, называя ихъ „землеѣдами тупорылыми"; ему не по душѣ молодой, пришедшій на заработки на берегъ моря крестьянинъ Яшка: „отъ него деревней воняетъ"; онъ вообще всѣхъ мужиковъ не любитъ",—„они сволочи", по его мнѣнію. Мальва о деревенской жизни отзывается съ полнымъ презрѣніемъ; по ея словамъ, тамъ, какъ въ ямѣ—и темно, и тѣсно. Челкашъ съ какой-то злобой и презрѣніемъ относится къ деревенскому парню. Емельянъ Пиляй, главное дѣйствующее лицо въ разсказѣ того-же имени, мечтаетъ, какъ онъ душилъ бы мужика, открывши кабакъ: „Мужика бы этого, черноземнаго барина—ухъ ты! грабь... дери шкуру!... выворачивай на изнанку. Прійдетъ опохмѣляться—„Емельянъ Павлычъ! дай въ долгъ стаканчикъ!"—А? Что? Въ долгъ?! Не даемъ въ долгъ!—„Емельянъ Павлычъ, будь милосердъ!"—Изволь, буду: вези

телѣгу, шкаликъ дамъ. Ха-ха-ха! Я бы его, черта тугопузаго, пронзилъ!“ (т. 2 с. 284) и т. п. [1]).

Это злобно-презрительное отношеніе босяка къ мужику объясняется отчасти увѣренностью въ своемъ умственномъ и всякомъ другомъ превосходствѣ надъ нимъ. Такъ, Мальва называетъ пренебрежительно Якова „порося“, а Сережка язвительно замѣчаетъ крестьянину Василію: „А вѣдь это хорошо, что у васъ начальство умъ-то сзади напередъ розгами перегоняетъ... Эхъ, ты! Ну что ты съ своей головой можешь подѣлать?... Ни чорта вы въ жизни понимать не можете!“ (т. 2, 120—19). Въ томъ же духѣ говоритъ и Емельянъ Пиляй, ядовито замѣчая, что головы у мужиковъ затѣмъ, „чтобъ можно было въ затылкѣ скрести“ (ib. с. 285).

Но это только одна и, пожалуй, не самая главная причина такого отношенія босяка къ мужику. Есть другая, гораздо болѣе существенная. Въ одномъ мѣстѣ Сережка такъ объясняетъ свою нелюбовь къ мужикамъ: „Придешь, бывало, въ деревню, попросишь хлѣба—цапъ тебя! Кто ты, да что ты, да подай паспортъ... Бивали сколько разъ... Въ холодную сажали... Они поютъ да притворяются, но жить могутъ: у нихъ есть зацѣпка—земля. А я что противъ нихъ?“ Тутъ уже звучатъ совсѣмъ иные мотивы враждебнаго отношенія къ обитателямъ деревни: съ одной стороны, озлобленіе противъ нихъ за тѣ невзгоды, которыхъ они были виною, а съ другой—чувство зависти къ ихъ относительному благосостоянію, къ тому, что у нихъ все-же есть „зацѣпка“. Чувство зависти къ крестьянину сквозитъ и въ бездомномъ Челканѣ, который вдругъ возненавидѣлъ крестьянскаго парня за то, что „онъ имѣетъ гдѣ-то тамъ деревню, домъ въ ней, за то, что его приглашаетъ въ зятья зажиточный мужикъ, за всю его жизнь прошлую и будущую“ (т. 1 с. 13). Этимъ-же самымъ побужденіемъ можно, кажется, объяснить въ иныхъ случаяхъ ненависть къ людямъ вообще и озлобленіе противъ нихъ,—чувства, которыя оказываются характерными для босяковъ Горькаго. Жалуясь на свою горькую долю, вѣчное скитальчество безъ угла и куска хлѣба, Емельянъ Пиляй заявляетъ, оправдывая свое желаніе „клюнуть денежнаго человѣка по башкѣ“: „ежели я знаю, что люди могутъ хорошо жить, то почему-же мнѣ не жить? Э? Чертъ васъ возьми, дьяволы!“ (т. 2, с. 290). Послѣдняя фраза свидѣтельствуетъ о раздраженіи, вызванномъ чувствомъ зависти.

[1]) Срав. также въ „Бывшихъ людяхъ“ отношеніе къ крестьянамъ босяка Тяпы (см. т. 2, с. 208).

Намъ остается еще отмѣтить немногія изъ выдающихся свойствъ, которыми отличаются босяки изъ народа и однородные съ ними по своему духовному строенію типы, изображенные въ разсказахъ Горькаго. Остановимся сначала на одной чертѣ, которая, опять таки, безъ труда можетъ быть подмѣчена въ нѣсколькихъ лицахъ. Черта эта, одно изъ глубоко симпатичныхъ свойствъ нашихъ героевъ, присутствіе которой примиряетъ со многими ихъ недостатками и пороками, есть вѣчное стремленіе найти истинные, вполнѣ нравственные устои жизни, при которыхъ можно было-бы возможно лучше, въ нравственномъ смыслѣ, прожить. Коноваловъ, напримѣръ, который „никого никогда не обидѣлъ“, проситъ автора прочесть ему книгу „насчетъ порядковъ жизни, т. е. поученія, какъ жить“, такъ какъ ему нужно разъяснить себѣ свои поступки, „которые вредные и которые ничего себѣ“: онъ все „поступками своими смущается“ (т. 2, с. 50). Въ головѣ и въ сердцѣ этого чуткаго человѣка какая-то путаница: то, что вначалѣ представляется хорошимъ, то, въ концѣ концовъ, выходитъ, по его мнѣнію, плохимъ. Мальва ужъ на что, кажется, разнуздная натура, незнакомая ни съ какой моралью, но и она, если въ нее всмотрѣться внимательнѣе, тоже чувствуетъ какія-то неясныя нравственныя требованія, и ее какой-то внутренній голосъ заставляетъ искать указаній для жизни: не даромъ-же она любитъ читать книги, въ родѣ житія Алексѣя, человѣка Божія, и съ тревогой спрашиваетъ, что надо дѣлать. Тяпа (см. „Бывшіе люди“), босякъ изъ мужиковъ, читаетъ Библію и сожалѣетъ, что въ наши дни нѣтъ ни казней, ни пророковъ отъ Бога, и некому насъ научить, какъ надо жить. Босякъ Мишка („Дѣло съ застежками“), типичнѣйшій мечтатель-мужикъ, но любящій мечтать втихомолку, когда отъ выпитаго вина у него развязывается языкъ, говоритъ о томъ, что его „собачья“ жизнь есть наказаніе за грѣхи; замѣтивши въ рукахъ старушки-хозяйки, у которой онъ вмѣстѣ со своими товарищами взялся сломать старую баню и вычистить колодезь, большихъ размѣровъ книгу, которая, по его соображеніямъ, должна быть Евангеліемъ, онъ садится у ногъ ея и, истово перекрестившись, внимательно слушаетъ слово Божіе. Благоговѣйное отношеніе къ священной книгѣ, гдѣ сказано, какъ надо жить, онъ переноситъ и на старушку—обладательницу книги и очень недоволенъ, когда ее ни за что ругаетъ его товарищъ по работѣ. А когда этотъ товарищъ стащилъ серебряныя застежки отъ Евангелія, Мишка цѣной чуть не всего своего двухъ-дневнаго заработка выкупаетъ у него эти застежки и относитъ ихъ обратно къ старушкѣ. Этотъ по-

истинѣ благородный поступокъ объясняется благоговѣйнымъ уваженіемъ къ Евангелію, въ которомъ,—онъ чувствуетъ, хоть и не можетъ этого высказать,—онъ могъ бы найти указаніе, какъ нужно жить, чтобъ не быть „окаяннымъ человѣкомъ“.

Натуры, подобныя Коновалову и Мишкѣ, всю свою скитальческую жизнь ищущія указанія на то, какъ надо жить, отличаются еще однимъ симпатичнымъ свойствомъ: во всѣхъ своихъ несчастьяхъ и невзгодахъ они упорно, вопреки какимъ бы то ни было убѣжденіямъ, винятъ самихъ себя. „Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не повиненъ, ежели я подлецъ есть“ (т. 2, 26), такова точка зрѣнія Коновалова, и онъ горячо отстаиваетъ ее, если его стараются убѣдить въ противномъ. Нѣчто подобное говоритъ и Мишка: „братцы вы мои! Живемъ мы, какъ собаки... И не въ примѣръ хуже... Значитъ, мы достойны собачьяго положенія, потому что люди мы плохіе. Выходитъ, это намъ по дѣламъ нашимъ“. (т. 2, с. 177).

Быть можетъ, въ этомъ случаѣ тоже сказывается сильный индивидуализмъ, который является характернымъ для большинства обрисованныхъ Горькимъ босяковъ и объясняетъ нѣкоторыя ихъ свойства, какъ напримѣръ, стремленіе къ независимости, свободѣ, жажду чего то необычайнаго, желаніе властвовать надъ другими и подчинять ихъ себѣ и т. п.

Кстати, нѣсколько словъ объ этомъ стремленіи властвовать, подчинять другихъ своей волѣ: оно также должно быть признано чертой, присущей наиболѣе очерченнымъ типамъ босяковъ. Челкашъ, напримѣръ, наслаждается тѣмъ, что глуповатый деревенскій парень Гаврило въ его рукахъ, забавляется его страхомъ и любуется тѣмъ, что вотъ онъ, Челкашъ, такой грозный человѣкъ. Мальва „иной разъ такъ бы каждаго человѣка завертѣла да и пустила волчкомъ вокругъ себя“. Сережка искренно сожалѣетъ о томъ, что онъ не красивая женщина и не можетъ „заворуху развернуть“ между людьми; онъ былъ бы въ восторгѣ, еслибы по его волѣ „люди ребра другъ другу ломали“ (т. 2, 128). Григорій Орловъ тоже хотѣлъ бы „стать выше всѣхъ людей“.

Есть еще одна черта, присущая, можно сказать, всѣмъ безъ исключенія босякамъ Горькаго: это любовь къ „зелену вину“, пьянство, которому они предаются то періодически, то изо дня въ день, если есть возможность. Примѣровъ, подтверждающихъ сейчасъ сказанное, не стоитъ приводить, такъ какъ они, вѣроятно, и безъ того памятны всякому, читавшему

разсказы нашего автора. Своеобразно объясняетъ свою любовь къ водкѣ Григорій Орловъ: по его словамъ, онъ пьетъ потому, что все-таки водка „гаситъ сердце“ (т. 2, с. 336). Это объясненіе можно распространить и на другихъ представителей „босой команды“ у Горькаго, впрочемъ, далеко не на всѣхъ: иные пьютъ по другимъ, гораздо болѣе прозаическимъ причинамъ...

Мы окончили разсмотрѣніе первой, наиболѣе любопытной группы образовъ, нарисованныхъ Горькимъ въ его очеркахъ и разсказахъ,—босяковъ, вышедшихъ изъ народа. Избѣгая характеристики отдѣльныхъ типовъ, мы отмѣчали въ нихъ только тѣ черты, которыя присущи большинству или-же, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ изъ нихъ, стараясь въ то-же время объяснить происхожденіе этихъ чертъ на основаніи того матеріала, который даетъ намъ авторъ. Если жизнь, поступки или разсужденія отдѣльнаго лица представлялись намъ типическими не только для него, но также и для другихъ, изображенныхъ Горькимъ героевъ, мы останавливались на нихъ болѣе подробно, какъ напр., на разсказѣ „Супруги Орловы.“ Прежде чѣмъ дѣлать общія заключенія изъ приведеннаго выше анализа личностей и міровоззрѣнія босяковъ изъ народа, остановимся сначала на второй менѣе обширной, но столь же любопытной группѣ героевъ Горькаго, на босякахъ, вышедшихъ изъ другихъ, болѣе интеллигентныхъ классовъ общества. Они изображены въ двухъ разсказахъ: „Бывшіе люди“ и „Проходимецъ“, помѣщенныхъ во второмъ и третьемъ томахъ сочиненій Горькаго. Несмотря на то, что „бывшимъ людямъ“ посвящено гораздо менѣе страницъ, чѣмъ босякамъ изъ народа, они какъ то легче поддаются опредѣленію, быть можетъ, потому, что у самого автора насчетъ ихъ существуетъ болѣе опредѣленное убѣжденіе, извѣстная точка зрѣнія, простая и ясная, исходя изъ которой онъ и изображалъ ихъ. По мнѣнію Горькаго, это прежде всего страшно изломанные и порочные люди: „всѣ они—мертвые люди, потерявшіе всякое уваженіе къ себѣ, лишенные способности къ самооцѣнкѣ, и всѣ они живутъ лишь тѣмъ, что съ каждымъ днемъ своей жизни падаютъ все ниже въ грязь и гадость“; они стоятъ гораздо ниже босяковъ изъ деревни, потому что „всегда порочный человѣкъ изъ города неизмѣримо гаже и грязнѣе порочнаго человѣка изъ деревни“ (т. 3, с. 322; т. 2, с. 207). Понятно, что такое обобщеніе, результатами чего-бы оно ни являлось, облегчаетъ задачу творчества, такъ какъ вниманіе писателя, быть можетъ, незамѣтно для него самого, сосредоточивается, главнымъ образомъ, на отрицательныхъ свойствахъ изображаемыхъ типовъ; возмож-

ность свести къ одному началу многія разнообразныя свойства того или другого образа дѣлаетъ его гораздо болѣе простымъ и понятнымъ какъ для автора, такъ впослѣдствіи и для читателя.

V.

Что-же однако представляютъ изъ себя „бывшіе люди", какъ называетъ босяковъ изъ интеллигенціи бывшій ротмистръ Кувалда, содержатель ночлежнаго дома? (см. раз. „Бывшіе люди"). Всѣ они нѣкогда принадлежали къ такъ называемымъ привилегированнымъ сословіямъ, но волею судебъ, постепенно падая, превратились въ постоянныхъ гостей не особенно комфортабельнаго пріюта бывшаго ротмистра Кувалды. Тутъ и бывшій лѣсничій удѣльнаго вѣдомства, а нынѣ торговецъ спичками, чернилами, ваксой и бракованными лимонами, и мрачный молчаливый пьяница, занимавшій нѣкогда должность тюремнаго смотрителя, а теперь существующій игрой „въ ременокъ", „въ три листка", „въ банковку" и т. п., и бывшій механикъ, занимающійся, если приходилось слишкомъ круто, изготовленіемъ щетокъ и метелокъ, и лишенный сана за пьянство и зазорное поведеніе дьяконъ, и бывшій преподаватель учительскаго института, потерявшій послѣ какой-то исторіи мѣсто и затѣмъ, послѣ цѣлаго ряда мытарствъ, запившій горькую и попавшій къ ротмистру, наконецъ, самъ отставной ротмистръ Аристидъ Кувалда, который прежде имѣлъ типографію, затѣмъ контору для найма прислуги, а еще раньше—„просто жилъ! И славно жилъ, чертъ возьми! Умѣючи жилъ", и еще какія-то лица съ неизвѣстнымъ прошлымъ.

Несмотря на столь разнообразное прошлое, у этихъ людей, много испытавшихъ на своемъ вѣку, есть общія черты, дающія имъ возможность понимать другъ друга. Таково, напримѣръ, ожесточеніе противъ жизни и людей вообще, озлобленіе и злая иронія, не щадящія никого и ничего. Это—ожесточеніе людей загнанныхъ, измученныхъ жестокой судьбой, доходящее порою до остервенѣнія и переходящее въ тупую, холодную ненависть ко всему и всѣмъ. Эта черта роднитъ „бывшихъ людей" съ разсмотрѣнными раньше босяками, которые, какъ мы имѣли случай это отмѣтить, тоже поражаютъ иногда своей злобой противъ всѣхъ людей или отдѣльныхъ группъ (напр., противъ крестьянъ). Подобно тому, какъ у Челкаша, Мальвы, Сережки, Тяпы замѣчается озлобленіе противъ крестьянъ-земледѣльцевъ, такъ Кувалда

ненавидитъ купцовъ: какъ Григорій Орловъ и Мальва чувствуютъ временами желаніе избавиться вовсе отъ людей, такъ и „бывшіе люди“ порой „всѣ были глубоко противны каждому, и каждый таилъ въ себѣ безсмысленную злобу противъ всѣхъ“ (т. 2, с. 230). Параллель между этими двумя группами босяковъ можно развить и далѣе. И тѣ и другіе отличаются, напримѣръ, полной неприспособленностью къ жизни въ обычныхъ, окружающихъ насъ условіяхъ. Выше было указано на причины этого явленія среди босяковъ изъ народа. Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ дѣйствуютъ и среди „бывшихъ людей. По крайней мѣрѣ, если вѣрить автору на слово (онъ не далъ подтвержденія этой мысли въ образахъ), они тоже стремятся къ чему-то новому, неизвѣданному. Промтовъ, (см. „Проходимецъ“) такъ говоритъ о себѣ: „думаю, что я человѣкъ, которому въ жизни тѣсно. Жизнь узка, а я—широкъ... На свѣтѣ есть особый сортъ людей, родившихся, должно быть, отъ Вѣчнаго Жида. Особенность ихъ въ томъ, что они никакъ не могутъ найти себѣ на землѣ мѣста и прикрѣпиться къ нему. Внутри ихъ живетъ тревожный зудъ желанія чего-то новаго... Мелкіе изъ нихъ никогда не могутъ выбрать себѣ штановъ по вкусу и отъ этого неудовлетворены и несчастны, крупныхъ ничто не удовлетворяетъ —ни деньги, ни женщины, ни почетъ. Такихъ людей въ жизни не любятъ—они дерзновенны и неуживчивы„ (т 3, с. 322). Аристидъ Кувалда, какъ и нѣкоторые представители первой группы босяковъ, „никогда не откажетъ себѣ въ наслажденіи почувствовать себя сильнѣе, умнѣе, хотя бы даже сытнѣе своего ближняго“. (т. 2, с. 219). Отсутствіе уваженія къ чему-бы то ни было, грубый цинизмъ, склонность къ плутовству и различнымъ темнымъ дѣламъ—все это ставитъ „бывшихъ людей“ на ряду съ наиболѣе порочными представителями первой группы; и если эти послѣдніе, являясь порочными людьми, умѣютъ показать себя съ самой выгодной стороны, такъ что вы невольно можете въ иные моменты залюбоваться ими—такъ они вырастаютъ въ вашихъ глазахъ,—то „бывшіе люди“ никогда не вызовутъ у васъ такого отношенія къ себѣ. Симпатичные ихъ поступки (очень рѣдкіе) вызываютъ только жалость къ нимъ (напр., раздача учителемъ угощеній уличнымъ дѣтямъ), а проявленія необузданной, сильной натуры—скорѣе отвращеніе, чѣмъ удивленіе.

Что создало „бывшихъ людей“? На этотъ вопросъ можно искать отвѣта въ разсказахъ Горькаго въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, причины внутреннія, лежащія въ природѣ этихъ людей (на нихъ указываетъ Промтовъ въ приведенныхъ выше словахъ), съ другой—внѣшнія, условія жизни и

окружающей обстановки. Въ разсказѣ „Проходимецъ“ авторъ устами героя разсказа знакомитъ насъ съ тѣми условіями, въ которыхъ протекла его жизнь, начиная съ раннихъ лѣтъ, а также съ различными превратностями судьбы, которыя ему пришлось испытать. Знакомство съ прошлымъ Промтова, которое отчасти можно считать типическимъ для людей его порядка, будетъ именно въ виду этого не безынтереснымъ.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ Промтовъ испытывалъ въ родной семьѣ такія вліянія, которыя не могли не произвести на него гибельнаго дѣйствія. Съ одной стороны, жестокій отецъ, за всякій пустякъ подвергавшій его тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, а съ другой—мать, „женщина добраго сердца и горячей крови“, которая сдѣлала изъ сына повѣреннаго своихъ романическихъ интрижекъ. „За каждую записку, которую она, бывало, пошлетъ со мной къ другу своего сердца,—говоритъ Промтовъ,—(а у нея друзья сердца всегда были), я получаю отъ нея должное вознагражденіе, а за скромность—особо“ (т. 3 с. 336). „Горячая кровь“, должно быть, перешла по наслѣдству отъ доброй матери и къ сыну, по крайней мѣрѣ, онъ вскорѣ былъ исключенъ изъ гимназіи за безуспѣшность и развратное поведеніе. Неудачника-сына посылаютъ на выучку къ различнымъ родственникамъ, гдѣ онъ еще болѣе портится нравственно, такъ какъ живетъ безъ всякаго надзора и благотворнаго вліянія. Въ Нижнемъ онъ, наконецъ, освобождается отъ опеки родныхъ и начинаетъ блуждать по свѣту. То онъ солистомъ въ хорѣ ярмарочныхъ пѣвчихъ, то актеромъ на водевильныя роли, то секретаремъ при полиціи въ глухомъ городишкѣ, куда онъ былъ высланъ изъ болѣе крупнаго центра. Отъ скуки онъ женился въ этомъ медвѣжьемъ углу, но вскорѣ бросилъ жену, вѣрнѣе былъ выгнанъ ею, поступилъ въ псаломщики, попалъ на содержаніе къ какой-то купчихѣ, сдѣлался шулеромъ, полицейскимъ сыщикомъ и т. д. и т. д. За темныя дѣла ему запрещенъ въѣздъ въ столицы, и онъ скитается „по лицу родной земли“, прибѣгая къ самой беззастѣнчивой лжи, шантажу и другимъ неблаговиднымъ пріемамъ, лишь бы выйти изъ труднаго положенія.

Такова одиссея этого проходимца. Вдумываясь въ нее, не трудно понять, что главной причиной скитаній Промтова является не столько любовь къ свободѣ и независимости, о которой онъ какъ-то говоритъ, сколько его нравственная испорченность до мозга костей, съ которой трудно гдѣ-бы то ни было ужиться. Какимъ-то цинизмомъ вѣетъ отъ философіи этого человѣка, подъ которой, пожалуй, подписались-бы и многіе изъ „бывшихъ людей“: „Какъ ни живи, а все-

таки умрешь: зачѣмъ-же ссориться съ собою, зачѣмъ тащить себя за хвостъ влѣво, когда натура твоя во всю мочь претъ направо. Знаете вы, что такое идеалъ? Хе! Это просто костыль, придуманный въ ту пору, когда человѣкъ сталъ плохимъ скотомъ и началъ ходить на однѣхъ заднихъ лапахъ. Поднявъ голову отъ сѣрой земли, онъ увидалъ надъ ней голубое небо и былъ ослѣпленъ великолѣпіемъ его ясности. Тогда онъ по глупости сказалъ себѣ—я достигну его! И съ той поры онъ шляется по землѣ съ этимъ костылемъ, держась при помощи его до сего дня все еще на заднихъ лапахъ" (т. 3. с. 349—51). На ряду съ цинизмомъ проглядываетъ у него и озлобленіе противъ людей и культурной жизни, въ которой онъ чувствуетъ массу лжи и условности. „Въ бродяжьей жизни есть нѣчто всасывающее, поглащающее. Пріятно чувствовать себя свободнымъ отъ обязанностей, отъ разныхъ маленькихъ веревочекъ, связывающихъ твое существованіе среди людей..., отъ всякихъ мелочишекъ, до того облѣпляющихъ жизнь, что она становится уже не удовольствіемъ, а скучной ношей, тяжелымъ лукошкомъ обязанностей... Вообще, если говорить по правдѣ, тамъ всѣ эти торжественно-дурацкія отношенія, что установились между порядочными городскими людьми,—скучная комедія! Да еще и подлая комедія..." (ib. с. 343). Эти разсужденія напоминаютъ собою отчасти ироническія разглагольствованія о жизни Кувалды и вообще настроеніе жильцовъ его ночлежнаго дома.

Мы не будемъ останавливаться на многихъ второстепенныхъ чертахъ босяковъ изъ народа и „бывшихъ людей", которыя, будучи присущи отдѣльнымъ лицамъ, являются ихъ чисто индивидуальными качествами, способствующими художественности отдѣльныхъ образовъ, но имѣющими мало значенія для общей характеристики созданныхъ Горькимъ типовъ. Переходимъ къ общимъ заключеніямъ о босякахъ нашего автора.

VI.

Итакъ, какими-же свойствами отличаются разсмотрѣнные нами герои Горькаго? Всѣ они „вольныя птицы" въ томъ смыслѣ, что совершенно оторваны отъ семьи и даже среды, къ которой они нѣкогда принадлежали. Эта оторванность объясняется отчасти отсутствіемъ у нихъ всякой прочной привязанности къ кому и чему бы то ни было, а, главнымъ образомъ, чисто стихійной потребностью въ широкой свободѣ и независимости; этимъ они удовлетворяютъ свою „жажду

жизни", стремленіе къ вѣчно новымъ, сильнымъ впечатлѣніямъ. Эта потребность, если только она не находитъ въ будничной жизни достаточнаго удовлетворенія, переходитъ въ мучительную тоску, томленіе жизнью, неясныя порывы къ чему-то необыкновенному, чрезвычайному. Въ связи съ этой тоской и порывами стоитъ какое-то смятеніе передъ жизнью, незнаніе, что дѣлать, исканіе своей „точки". Наблюденія надъ окружающей дѣйствительностью, въ которой они не находятъ себѣ мѣста, порождаетъ у этихъ натуръ недовольство людьми, переходящее иногда въ жалость къ нимъ, а чаще въ презрѣніе и мрачное озлобленіе противъ нихъ и всего окружающаго. Впрочемъ, презрѣніе къ людямъ вытекаетъ отчасти изъ сознанія своего превосходства надъ ними, которое, въ свою очередь, переходитъ въ стремленіе властвовать, покорить все своей волѣ, возвыситься надъ всѣмъ.

Въ немногихъ словахъ мы сгруппировали здѣсь тѣ общіе признаки, которые присущи героямъ Горькаго. Всмотритесь въ образы босяковъ, созданныхъ нашимъ писателемъ, и вы увидите что если у нихъ отнять отмѣченныя выше черты, то въ каждомъ отдѣльномъ типѣ останутся немногочисленныя второстепенныя свойства. Такимъ образомъ, въ своей сущности, по основнымъ, наиболѣе характернымъ признакамъ, босяки Горькаго чрезвычайно сходны между собою: иначе говоря, каждый отдѣльный типъ представляетъ собой болѣе или менѣе сложный, разнообразный вариантъ на одну и ту-же тему.

Но откуда авторъ беретъ самую тему, которую онъ разрабатываетъ на разные лады, однако такимъ образомъ, что основные мотивы ея не теряются изъ виду и безъ особаго труда могутъ быть отысканы въ каждомъ отдѣльномъ варіантѣ?

Источникомъ ея, конечно, является жизнь, тѣ впечатлѣнія отъ столкновеній съ реальными босяками, которыхъ успѣлъ не мало получить авторъ во время своей скитальческой жизни.

Но только-ли жизнь? Почему въ герояхъ Горькаго мы замѣчаемъ нѣкоторое однообразіе, тогда какъ у другихъ писателей, берущихся за изображеніе тѣхъ-же сторонъ жизни, какъ напр., Достоевскій, Глѣбъ Успенскій, Короленко, Левитовъ, Мельшинъ, замѣчается гораздо большее разнообразіе характеровъ, типы босяковъ представляютъ болѣе разновидностей? Или дѣйствительная жизнь, въ силу какихъ-то необыкновенныхъ обстоятельствъ, сложилась для Горькаго такимъ образомъ, что онъ все сталкивался съ босяками одного типа, хоть и наблюдалъ ихъ на широкомъ простран-

ствѣ восточной и южной Россіи, отъ Казани до Астрахани, отъ Владикавказа до устьевъ Дуная? Конечно, было бы весьма трудно допустить послѣдее предположеніе. Вѣрнѣе всего, и Горькому, какъ другимъ, приходилось наблюдать самые разнообразные виды босяковъ, но его вниманіе привлекали преимущественно однородные типы, надѣленные уже извѣстными намъ чертами.

Почему именно эти, а не другіе дали матеріалъ для художественнаго творчества Горькаго, это не трудно, кажется, будетъ понять, если обратиться къ его міровоззрѣнію, попытка резюмировать которое была сдѣлана выше, вслѣдъ за разсмотрѣніемъ его автобіографіи. Изъ сопоставленія взглядовъ автора на различныя стороны жизни съ міровоззрѣніемъ его героевъ можно будетъ прійти къ любопытному выводу: оказывается, разсмотрѣнные нами герои Горькаго исповѣдуютъ въ значительной степени ту-же самую вѣру, что и нашъ авторъ. Въ самомъ дѣлѣ, босякамъ Горькаго ненавистна полная фальши, условностей, мелкой сознательной лжи и подлости современная жизнь: то-же самое вызываетъ отвращеніе и въ авторѣ, мнѣніе котораго на этотъ счетъ мы приводили выше (см. стр. 11). Горькій того мнѣнія, что созданныя нами условія жизни только губятъ тѣхъ, кто, говоря мѣткимъ выраженіемъ Л. Толстого, дѣлаетъ жизнь— они порабощаютъ человѣка, не даютъ возможности свободно дѣйствовать, говорить, даже думать, лишаютъ его воли, обезличиваютъ, обращаютъ въ тупое орудіе чужихъ низкихъ, отвратительныхъ цѣлей: подобнымъ же образомъ судятъ о выработавшихся формахъ жизни и его герои, въ лицѣ, напримѣръ, Григорія Орлова, Коновалова, нѣкоторыхъ изъ „бывшихъ людей"; какъ идеальные образы Горькаго, въ родѣ Данко и Сокола, надѣлены могучимъ стремленіемъ къ свободѣ, независимости, жаждой необычайныхъ подвиговъ, такъ и въ рѣчахъ его босяковъ постоянно сквозятъ мечты о вольной, независимой жизни, о чемъ-то великомъ, необычайномъ, что имъ до безумія хочется совершить, чтобы стать выше всѣхъ людей, а потомъ хоть и погибнуть, подобно Данко; наконецъ, если „гольтепа", изображенная нашимъ авторомъ и не можетъ сказать, подобно Соколу, что она жила „въ небѣ", то все-же она стремилась найти истинный смыслъ человѣческаго существованія, настоящіе устои жизни и въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей до конца дней своихъ томилась незнаніемъ, что дѣлать, куда приложить недюжинныя силы, гдѣ найти свою „точку".

VII.

Всѣ эти параллели, которыя сами собою приходятъ въ голову, вызываютъ два предположенія о психологическомъ процессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ душѣ автора при созданіи интересующихъ насъ образовъ. Изъ массы представленій о бездомныхъ людяхъ онъ подвергалъ, сознательно или безсознательно, творческой переработкѣ только тѣ, которыя казались ему наиболѣе гармонирующими съ его собственнымъ міровоззрѣніемъ. Быть можетъ, даже впечатлѣнія подобнаго рода были сильнѣе, чѣмъ всякія другія: если онъ замѣчалъ въ наблюдаемомъ имъ босякѣ черты близкія, понятныя и симпатичныя ему самому, онъ невольно присматривался къ нему и получалъ болѣе живое, яркое впечатлѣніе.

Но возможно, что въ дѣйствительной жизни автору приходилось сравнительно мало встрѣчать людей съ тѣми качествами, которыми отличаются его босяки, и онъ надѣлялъ ихъ своими чертами, влагалъ въ нихъ свои думы, симпатіи и антипатіи, такъ что, въ концѣ концовъ, въ его герояхъ мы находимъ не столько яркое отраженіе наблюдаемой имъ жизни, сколько его собственную личность. Исторія литературы знаетъ не мало писателей, часто пріобрѣтшихъ себѣ міровую извѣстность, созданія которыхъ въ значительной степени, подъ видомъ объективнаго изображенія жизни, являются, въ сущности, творческой переработкой ихъ собственной сложной и оригинальной личности. Таковы Байронъ, Шатобріанъ, Лермонтовъ, Л. Толстой и др. О Байронѣ еще Пушкинъ сказалъ, что онъ, бросивъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣка, потомъ отвернулся отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя: онъ поэтически создалъ и описалъ единый характеръ, именно свой. Научная критика, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, выработала даже особый терминъ для характеристики такого творчества: она называетъ его „субъективнымъ творчествомъ", т. е. такимъ которое направлено на воспроизведеніе образовъ болѣе или менѣе близкихъ или даже тожественныхъ личности художника: создавая ихъ, художникъ отправляется *отъ себя*. (Срав. Овсянико-Куликовскій. Этюды о творч. Тургенева с. 1).

Намъ кажется, что и Максимъ Горькій относится именно къ этой категоріи писателей: и онъ, подобно Байрону, „каждому дѣйствующему лицу раздалъ по одной изъ составныхъ частей своего характера". Основанія для такого предположенія заключаются, съ одной стороны, въ слишкомъ уже рѣзко бросающемся въ глаза сходствѣ, однообразіи босяковъ Горькаго, а съ другой, — въ легко устанавливаемой параллели между міровоззрѣніемъ автора и созданныхъ имъ образовъ.

Если съ указанной сейчасъ точки зрѣнія смотрѣть на очерки и разсказы Горькаго, то едва-ли будетъ безошибочнымъ видѣть въ его босякахъ и сродныхъ съ ними образахъ ярко-типическое отраженіе переживаемой нами дѣйствительности. Несомнѣнно, правда, что какъ въ самихъ герояхъ, такъ и въ общей постройкѣ и отдѣльныхъ подробностяхъ разсказовъ Горькаго чувствуется часто біеніе самой настоящей, невыдуманной жизни, но, съ другой стороны, чуется здѣсь присутствіе и другого элемента—личныхъ настроеній и убѣжденій автора. Подтвержденіе этому можно, между прочимъ, видѣть и въ томъ, что его босяки зачастую, какъ это было уже подмѣчено критикой (Н. К. Михайловскій), безмѣрно щеголяютъ красотой рѣчи и философскимъ пареніемъ, такъ что въ иныхъ случаяхъ ихъ разговоры слишкомъ уже очевидно фальшивы. Въ этомъ случаѣ автору, по всей вѣроятности, повредила нѣсколько общая точка зрѣнія, съ которой онъ оцѣниваетъ разсужденія босяковъ; онъ говоритъ: „каждый человѣкъ, боровшійся съ жизнью, побѣжденный ею и страдающій въ безжалостномъ плѣну ея грязи, болѣе философъ, чѣмъ самъ Шопенгауэръ, потому что отвлеченная мысль никогда не выльется въ такую точную и образную форму, въ какую выльется мысль, непосредственно выдавленная изъ человѣка страданіемъ“ (т. 2 с. 34—5). Это убѣжденіе, что всякій босякъ „болѣе философъ, чѣмъ самъ Шопенгауэръ“, внесла фальшь въ общую обрисовку босяка и его жизнепониманія. Вотъ потому-то, имѣя въ виду изложенныя выше соображенія, было-бы довольно рисковано отожествлять типы Горькаго съ реальными босяками и судить по нимъ объ этомъ своеобразномъ мірѣ „отверженныхъ“. Навѣрное, было-бы ошибкой считать, что среди людей, ушедшихъ въ босяки, преобладаютъ именно тѣ черты, которыя такъ настойчиво выдвигаетъ авторъ въ изображаемыхъ имъ типахъ.

VIII.

Но какъ-бы то ни было, если даже видѣть въ босякахъ Горькаго и невполнѣ соотвѣтствующіе дѣйствительности образы, тѣмъ не менѣе, нельзя отвергать, что они, въ общемъ, все-же выхвачены изъ жизни. Тѣмъ любопытнѣе знать, какія условія создаютъ этихъ странныхъ людей, которые „ни въ какой порядокъ не включаются, для которыхъ, говоря словами ротмистра Кувалды, „нужно другія воззрѣнія на жизнь,

другія чувства, что-то такое новое", потому что они сами „новость въ жизни" (т. 2 с. 318). Но напрасно было-бы искать на этотъ вопросъ сколько-нибудь обстоятельнаго отвѣта у нашего автора. За исключеніемъ разсказа „Супруги Орловы", онъ, къ сожалѣнію, (мы имѣемъ въ виду босяковъ изъ народа) только кое-гдѣ, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, приподнимаетъ слегка завѣсу съ таинственнаго прошлаго своихъ героевъ, едва давая отрывочные намеки на ихъ прежнюю жизнь; намеки эти очень неясны и неопредѣленны, а между тѣмъ было-бы въ высшей степени любопытно знать, при какихъ обстоятельствахъ создались эти характеры, каковы причины, заставившія этихъ людей покинуть родъ-племя и стать одинокими скитальцами. Вотъ, напримѣръ, что мы узнаемъ о прошломъ „стараго, травленнаго волка, заядлаго пьяницы и ловкаго, смѣлаго вора", Челкаша, имѣющаго сходство со степнымъ ястребомъ. Этотъ Челкашъ, удачно совершивши темною ночью въ портѣ кражу дорогого товара, подъ вліяніемъ бесѣды съ глуповатымъ крестьянскимъ парнемъ Гаврилой, котораго онъ случайно встрѣтилъ и взялъ себѣ въ качествѣ помощника, предается воспоминаніямъ о своей прошлой жизни, „отдѣленной отъ настоящаго цѣлой стѣной изъ 11 лѣтъ босяцкой жизни. Онъ успѣлъ посмотрѣть себя ребенкомъ, свою мать, краснощекую, пухлую женщину съ добрыми сѣрыми глазами, отца-рыжебородаго гиганта, съ суровымъ лицомъ; видѣлъ себя женихомъ и видѣлъ жену, черноглазую Анфису, съ длинной косой, полную, мягкую, веселую... снова себя красавцемъ, гвардейскимъ солдатомъ; снова отца, уже сѣдого и согнутаго работой, и мать морщинистую, осѣвшую къ землѣ; посмотрѣлъ картину встрѣчи его деревней, когда онъ возвратился со службы; видѣлъ и то, какъ гордился передъ всей деревней отецъ своимъ Григоріемъ, усатымъ, здоровымъ солдатомъ, ловкимъ красавцемъ..." И только! На страницу раньше мы узнаемъ еще, что Челкашъ давно разочаровался въ радостяхъ крестьянской жизни, а ниже авторъ, какъ бы чувствуя всю неясность этихъ указаній на прошлое своего героя, добавляетъ отъ себя: „память, этотъ бичъ несчастныхъ, оживляетъ даже камни прошлаго и даже въ выпитый нѣкогда ядъ подливаетъ капли меда..." Но гдѣ же и когда „выпилъ ядъ" Челкашъ, почему онъ разочаровался въ крестьянской жизни? Хоть самые общіе отвѣты на эти вопросы дали-бы для пониманія Челкаша гораздо болѣе матеріала, чѣмъ упоминаніе о „черноглазой Анфисѣ" или же его рыжебородомъ отцѣ и добродушной матери. Съ точки зрѣнія художественной правды воспоминаніямъ Челкаша съ полнымъ успѣхомъ можно было бы дать другое содержаніе, но, должно-

быть, самому автору не достаточно ясны причины, оторвавшія его Челкаша отъ того порядка жизни, въ которомъ выработалась та кровь, что течетъ въ его жилахъ.

И не только въ „Челкашѣ“, но и въ другихъ разсказахъ, гдѣ фигурируетъ „рядовой босякъ“, Горькій чрезвычайно скупъ на раскрытіе тѣхъ условій жизни, которыя заставили его героевъ стать „золоторотцами“. Когда, по ходу разсказа, его босякамъ все-же приходится отвѣтить, почему они оказались людьми, выброшенными за бортъ обычныхъ формъ общественной жизни, они ограничиваются общими, ничего, въ сущности, не говорящими замѣчаніями, въ родѣ: „такъ“, „планида такая“, „на душѣ безпокойство“, „осѣдлость не по мнѣ“, „нужда загнала“, „запилъ“, или же вскользь упоминаютъ о почему-то „прѣсной“, „проклятущей“ жизни, не вдаваясь однако въ столь цѣнныя въ этомъ случаѣ подробности. Передъ нами въ разсказахъ Горькаго выступаетъ своеобразная группа людей, которую уже давно, по мнѣнію автора, пора считать за классъ, и которая, съ какой-бы то ни было точки зрѣнія, представляется для современнаго соціальнаго строя „знаменіемъ времени“ далеко не утѣшительнымъ; но что создаетъ этихъ бездомныхъ скитальцевъ, авторъ такъ и не говоритъ намъ. Для художника, который относится осмысленно къ жизни, мало дать яркое изображеніе того или иного явленія ея, нужно сдѣлать это такъ, чтобы читатель, имѣлъ возможность, если захочетъ, найти объясненіе ему у самого автора. Въ данномъ случаѣ приходится только пожалѣть о томъ, что Горькій почему-то уклонился отъ этой любопытной задачи. Онъ могъ бы въ яркихъ поэтическихъ образахъ показать читателю, какъ въ сущности ненормальна и ужасна наша жизнь, если она роковымъ образомъ сплошь и рядомъ выбрасываетъ за бортъ наиболѣе сильныхъ и талантливыхъ людей, если нѣтъ для этихъ людей возможности найти „свою точку“, употребить на какое-нибудь хорошее дѣло свои недюжинныя силы и способности. „Вѣдь, это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?“ (Достоевскій. „Записки изъ мертваго дома“). Горькій такъ и не даетъ читателю отвѣта на этотъ вполнѣ естественный, жгучій вопросъ: „*кто* виноватъ?“, и въ этомъ молчаніи, на нашъ взглядъ, заключается самый крупный недостатокъ наиболѣе интересующихъ читателя разсказовъ Горькаго.

IX.

Впрочемъ, изъ разбираемыхъ разсказовъ нашего писателя можно вывести заключеніе о томъ, „кто виноватъ", но заключеніе это, кажется, совсѣмъ не согласно будетъ съ мнѣніемъ самого автора. Изъ синтеза міровоззрѣнія Горькаго, который мы сдѣлали выше, а также изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его произведеній [1]) можно прійти къ выводу, что онъ считаетъ условія жизни, вообще соціальный строй причиной какъ несчастья отдѣльныхъ личностей, такъ и того, почему его героямъ нѣтъ мѣста въ человѣческомъ обществѣ. Межъ тѣмъ, если принять въ соображеніе то, что говорятъ босяки о себѣ, или же поясняетъ о нихъ авторъ, не трудно сдѣлать выводъ, что, въ сущности говоря, соціальныя условія не при чемъ, и всему виною слишкомъ уже широкая натура ихъ самихъ, какое-то неопредѣленное, чисто стихійное стремленіе къ самой широкой свободѣ,—не даромъ-же почти всѣ они такъ славословятъ свободу, понимая подъ ней полную независимость отъ какихъ-бы то ни было обязанностей по отношенію къ себѣ и другимъ. Отмѣчая въ своихъ герояхъ разновидности все одного и того-же стихійнаго стремленія къ свободѣ, Горькій этимъ не далъ по существу ничего новаго. И русская и міровыя литературы, какъ въ народной такъ и въ искусственной поэзіи, имѣютъ длинную вереницу подобныхъ типовъ. Особенно много разновидностей ихъ можно встрѣтить у писателей романической школы и въ тѣхъ произведеніяхъ нашей родной и иноземной литературы, которыя возникли какъ отголосокъ романтизма Байрона и Шатобріана и въ большей или меньшей степени стоятъ въ связи съ нимъ. Въ этомъ отношеніи, какъ это справедливо было указано критикой, Горькій, своими разсказами изъ босяцкой жизни, примыкаетъ къ писателямъ- романтикамъ, къ той именно группѣ ихъ, которая выдвинула типъ гордаго, свободолюбиваго человѣка, уходящаго отъ общества и созданныхъ имъ условій жизни, вѣчно ищущаго чего-то новаго и неизвѣданнаго, не могущаго приспособиться къ какой-бы то ни было житейской обстановкѣ. Но какъ ни стара эта тема, она въ то-же время вѣчно нова, ибо этотъ типъ общечеловѣческій въ томъ смыслѣ, что всегда и вездѣ встрѣчается въ различныхъ разновидностяхъ въ зависимости отъ эпохи и условій жизни. Знакомъ и близокъ этотъ типъ въ достаточной степени и русской исторической жизни. Въ длинномъ

[1]) См. напримѣръ 23—4 стран. второго тома, гдѣ авторъ говоритъ Коновалову о людяхъ- жертвахъ жизни и о людяхъ—жрецахъ ея

рядѣ столѣтій постепенно мелькаетъ онъ въ нашей народной исторіи то подъ видомъ легендарнаго Василія Буслаева нашихъ былинъ, то въ лицѣ „голи кабацкой“, „вольницы“, казачества, Стеньки Разина и многихъ другихъ аналогичныхъ явленій прошлаго. Не даромъ-же автору, когда онъ читалъ Коновалову про казнь Стеньки Разина, „казалось, что какія-то узы крови, неразрывныя и не остывшія за три столѣтія, до сей поры связываютъ этого босяка со Стенькою“ (т. 2 с. 30). Горькій въ яркихъ художественныхъ образахъ показалъ намъ, во что превратился этотъ старинный общечеловѣческій и русскій типъ подъ вліяніемъ современныхъ намъ формъ нашей родной жизни. Само собою разумѣется, что и такая постановка вопроса, даже и безъ раскрытія того, какъ и какимъ образомъ эти условія жизни постепенно создаютъ изъ нѣкоторыхъ людей босяка, съ однимъ только изображеніемъ уже сложившагося типа „отверженнаго“ человѣка, имѣетъ свое важное значеніе: писатель указываетъ намъ извѣстное явленіе жизни, его наблюдательность и талантъ служатъ намъ ручательствомъ, что оно дѣйствительно существуетъ въ такомъ приблизительно видѣ, какъ онъ его изобразилъ: дѣло общественныхъ наукъ изслѣдовать его причины и вообще сдѣлать анализъ и выводы о его особенностяхъ. Но и общественныя науки и сама жизнь только выиграютъ, если и поэтическое творчество хоть отчасти возьметъ на себя эту задачу. Къ сожалѣнію, Горькій этого не сдѣлалъ...

Имѣя въ виду все сказанное выше о творчествѣ Горькаго и о его босякахъ, нельзя не признать нѣкоторой доли увлеченія со стороны тѣхъ читателей и критики, которые готовы видѣть въ босякахъ Горькаго своего рода „новое слово“, откровеніе. Начать съ того, что и ранѣе русская литература имѣла уже поэтическіе образы, выхваченные изъ той среды, которую изображаетъ Горькій: достаточно указать на Левитова, Короленка, обоихъ Успенскихъ и др. Правда, никто изъ предшественниковъ Горькаго не достигъ такого мастерства въ изображеніи босяковъ, какъ онъ, но зато нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Г. Успенскій, если и не дали болѣе или менѣе законченнаго типа бродяги, то очень хорошо разработали тѣ условія жизни, которыя создаютъ босяка. Съ другой стороны, самый босякъ Горькаго слишкомъ уже однообразенъ и, главное, стихіенъ, чтобы его можно было безъ всякихъ оговорокъ признать продуктомъ современной сложной дѣйствительности. Оттого-то изъ чтенія разсказовъ нашего автора никакъ нельзя прійти къ заключенію, что его босяки представляютъ собою новость въ жизни, или-же признать вмѣстѣ съ нимъ, что ихъ давно уже пора считать за

отдѣльный классъ общества: группировка людей въ отдѣльныя сословія происходитъ подъ вліяніемъ соціальныхъ условій, а босяки Горькаго, если брать ихъ такими, какъ ихъ создалъ авторъ, не являются продуктомъ жизни, а въ себѣ самихъ носятъ причину своей отверженности.

X.

До сихъ поръ, говоря объ очеркахъ и разсказахъ Максима Горькаго, мы останавливались только на тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ дѣйствуетъ босякъ и при томъ, главнымъ образомъ, одного опредѣленнаго вида съ характерной чертой стихійнаго стремленія къ свободѣ. Но нашъ разборъ первыхъ трехъ томовъ сочиненій Горькаго былъ-бы очень неполнымъ, если-бы мы ограничились, какъ это, впрочемъ, дѣлается въ большинствѣ критическихъ статей о нашемъ авторѣ, разсмотрѣніемъ только этой стороны его творчества. Какъ уже было сказано раньше, Горькій отнюдь не отличается одностороннимъ талантомъ, которому удается изображеніе только одной извѣстной категоріи явленій. Даже въ числѣ первыхъ по времени его разсказовъ встрѣчаются такіе, въ которыхъ нѣтъ и помину о босякахъ разсмотрѣннаго выше типа. Позднѣе кругъ явленій, захваченныхъ авторомъ, все болѣе и болѣе расширяется, и на ряду съ босяками типа Коновалова или Орлова встрѣчаются и другіе образы босяковъ, а также и типы, ничего общаго съ босячествомъ не имѣющіе. Мы хоть вкратцѣ разсмотримъ и тѣхъ и другихъ. Остановимся сначала на разсказахъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами выступаютъ тоже бездомные люди, но совершенно иного рода чѣмъ тѣ, о которыхъ шла рѣчь выше. Въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Дѣдъ Архипъ и Ленька“, „Дружки“, „Однажды осенью“, а также въ примыкающихъ къ нимъ, по основнымъ чертамъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, разсказахъ „На плотахъ“, „Скуки ради“, „Болесь“, передъ нами выступаютъ образы загнанныхъ, забитыхъ жизнью людей. Это тѣ натуры, которыя истерла и изломала жизнь, обратила ихъ въ своихъ рабовъ, лишила ихъ самыхъ скромныхъ человѣческихъ радостей и утѣхъ, предоставивъ имъ на долю одни страданія и невзгоды. Всѣ они въ большей или меньшей степени порочные люди, и авторъ вовсе не ста-

рается скрыть ихъ пороковъ, но въ то же время, нисколько не отступая отъ истины, онъ умѣетъ изобразить ихъ такимъ образомъ, что читатель невольно проникается глубокой жалостью и состраданіемъ къ нимъ. Во всей обрисовкѣ этихъ „униженныхъ и оскорбленныхъ", въ отдѣльныхъ мелкихъ чертахъ чувствуется горячее сердце автора, страдающаго за своихъ героевъ, жалѣющаго ихъ самымъ искреннимъ, неподдѣльнымъ образомъ, и это чувство художника вмѣстѣ съ созданными имъ образами, глубоко проникаетъ въ душу читателя и будитъ въ ней добрыя чувства, затрагиваетъ наиболѣе гуманныя, благородныя струны его сердца.

Вотъ хотя бы дѣдъ Архипъ, нищій, десять лѣтъ ходящій по міру за кускомъ хлѣба, прибѣгающій для полученія милостыни ко лжи и притворству, не упускающій случая и украсть что-либо, если представится удобный случай. Всѣ эти черты въ яркихъ эпизодическихъ картинахъ обрисованы передъ читателемъ. Но въ этомъ самомъ Архипѣ авторъ сумѣлъ оттѣнить и такія качества, которыя заставляютъ забыть о его порокахъ и вызываютъ скорѣе жгучее чувство жалости къ нему, чѣмъ отвращенія и негодованія. У дѣда Архипа есть одна завѣтная цѣль, ради которой онъ готовъ на какія угодно страданія и даже преступленіе,—это стремленіе возможно лучше обезпечить горячо любимаго внука Леньку, который вмѣстѣ съ нимъ побирается по міру. Архипъ всѣмъ опытомъ своей страдальческой жизни понимаетъ, что „міръ-звѣрь", что сытый и голодный—вѣчные враги, и что погибнетъ его Ленька, если останется нищимъ; потому у него только и думы о томъ, какъ бы сколотить для внука копейку. Онъ бродитъ по станицамъ, набираетъ полную котомку кусковъ хлѣба, чтобы потомъ продать ихъ, не задумывается надъ тѣмъ, чтобы стянуть у дѣвочки платокъ или изъ раскрытаго окна украсть дорогой кинжалъ—все это для Леньки. Онъ отлично сознаетъ безнравственность своихъ поступковъ, вѣритъ въ кару Божію за нихъ, но онъ на все готовъ для внука. Таковъ этотъ несчастный человѣкъ, измученный тяжелой жизнью нищаго, умирающій съ ужасными душевными мученіями отъ жестокихъ упрековъ Леньки въ воровствѣ и тяжелыхъ угрызеній совѣсти среди поля, вдали отъ людей, родины, отвергнутый тѣмъ, кого любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Психологія этого несчастнаго дѣда и его внука передана Горькимъ изумительно вѣрно и ярко; такъ-же мастерски очерчены эпизодическія лица, удачно выбранъ самый сюжетъ разсказа, искусно переплетающійся съ рѣдко художественнымъ изображеніемъ картинъ природы. Въ общемъ весь разсказъ представляется своего

рода художественнымъ перломъ, и образы дѣда Архипа и Леньки глубоко западаютъ въ душу читателя, пробуждая въ ней „милость къ падшимъ“.

Такого-же рода чувства вызываютъ въ читателѣ и разсказы „Дружки“ и „Однажды осенью“, быть можетъ, менѣе яркіе въ художественномъ отношеніи. „Дружки“—это эпизодъ изъ жизни двухъ воровъ, промышляющихъ кражей различныхъ вещей домашняго обихода у пригородныхъ крестьянъ. Оба они измученные, вѣчно голодающіе, больные (одинъ изъ нихъ умираетъ, такъ сказать, на глазахъ читателя) вызываютъ къ себѣ только жалость и состраданіе, тѣмъ болѣе, что, какъ это искусно показываетъ авторъ, въ нихъ живы еще многія человѣческія чувства. И этотъ разсказъ, какъ „Дѣдъ Архипъ и Ленька“, обнаруживаетъ въ авторѣ недюжинную способность возсоздавать сокровенныя, едва уловимыя мысли и настроенія, вообще способность къ художественному психологическому анализу.

А какое несчастное, жалкое существо эта Наташа, „дѣвица изъ гуляющихъ“, которую изображаетъ намъ авторъ въ разсказѣ „Однажды осенью“. Ея восклицанія: „экая окаянная жизнь! Хоть бы сдохнуть что-ли“, вызываютъ мучительную боль въ сердцѣ читателя. Ея безстрастный разсказъ о томъ, „какіе всѣ... мерзавцы мужчины“, ея доброе, участливое отношеніе къ страданію другого, готовность подѣлиться съ нимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба и согрѣть его собственнымъ тѣломъ—все это научаетъ видѣть человѣка „въ несчастномъ, забитомъ, загнанномъ существѣ, которому нѣтъ мѣста въ жизни и нѣтъ цѣны“.

Въ разсказѣ „На плотахъ“ передъ нами любопытная фигура Митрія, котораго отчасти тоже можно отнести къ людямъ, забитымъ жизнью. Этотъ Митрій представляетъ собою интересный образчикъ человѣка изъ народа съ вѣчно живущимъ въ душѣ стремленіемъ къ духовному самоусовершенствованію. Онъ принадлежитъ къ тому типу людей „не отъ міра сего“, которые всѣ проникнуты страстью къ исканію высшей истины и потому съ отвращеніемъ смотрятъ на жизнь „въ мірѣ“ и обычныя ея формы. Внутренній голосъ болѣзненно чуткой совѣсти для него важнѣе всего на свѣтѣ, и онъ готовъ опозорить себя въ глазахъ окружающихъ, но не пойдетъ противъ „души“. Тяжело ему въ родной семьѣ съ отцомъ-снохачемъ, которому онъ безропотно уступилъ жену, тяжело ему вообще среди людей, живущихъ по общепринятому шаблону; онъ „смѣшенъ больно“, у него нѣтъ „зубовъ и когтей“, чтобы обороняться. И онъ чувству-

етъ, что ему не подъ моготу становится жить на людяхъ. „Только-бы скорѣе отъ васъ! бездушные! безбожные вы люди, бѣжать отъ васъ одно спасенье! Зачѣмъ вы живете? Гдѣ у васъ Богъ? Эхъ вы, волки вы!... Уйду, брошу васъ, волки безумные! Отъ плоти другъ друга питаетесь вы! Анаѳема вамъ!“ (т. I с. 65), Куда-же уйдетъ Митрій отъ „волковъ безумныхъ?“ Онъ знаетъ, что гдѣ-то далеко, на Кавказѣ, есть люди, которые „во Христѣ“ живутъ, и „сердца ихъ содержатъ любовь и о спасенія міра страждутъ“. Они-то, по всей вѣроятности, и вселили въ Митрія ненависть къ мірской жизни. По крайней мѣрѣ онъ сталкивался съ ними и, благодаря имъ, „прозрѣлъ“. „Есть иные люди. Видѣлъ я ихъ. Звали меня. Къ нимъ и уйду. Книгу Святого Писанія принесли они мнѣ. И читалъ я, и обновилась душа моя отъ слова Божія“ (ib.) Въ этихъ странныхъ рѣчахъ такъ и чувствуется кристально-чистая душа Митрія съ глубоко засѣвшимъ въ ней стремленіемъ къ „духовности“, которое столь сильно въ русскомъ народѣ. Весь образъ Митрія, 22-хъ лѣтняго хилаго парня, глубоко трогателенъ и вызываетъ къ себѣ нѣжную симпатію и состраданіе.

Будетъ кстати теперь же сказать нѣсколько словъ обо всемъ разсказѣ „На плотахъ“, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе какъ выдающейся художественной цѣльностью всего повѣствованія, такъ и по смѣлой постановкѣ вопроса относительно одного бытового явленія въ русской народной жизни. На какихъ-нибудь 18 страничкахъ авторъ даетъ намъ и яркую, рельефную картину лѣтней ночи на рѣкѣ въ отдѣльныхъ ея моментахъ, и выпуклыя, точно изъ мрамора изваянныя четыре фигуры дѣйствующихъ лицъ. Инымъ изъ нихъ онъ влагаетъ въ уста только по нѣсколько фразъ да комментируетъ ихъ рѣчи и дѣйствія мимолетными замѣчаніями, но—такова уже сила его выдающагося художественнаго творчества—передъ нами, какъ живыя, стоятъ эти лица, со всѣми отличительными чертами своей натуры и жизнепониманія. Невольно поражаешься удивительной способностью автора двумя-тремя штрихами набросать цѣлую картину природы или отдѣльный характеръ, до такой степени цѣльные и законченные, что о нихъ ужъ ничего новаго нельзя сказать. Такъ именно обрисованы въ разсказѣ „На плотахъ“, кромѣ самого Митрія, его отецъ, полный жизни Силанъ Петровичъ, „жадная жить“ Марька, жена Митрія, работникъ Сергѣй. Попробуйте вдуматься въ эти образы, дать себѣ отчетъ въ каждой ихъ чертѣ, мастерски отмѣченной авторомъ, и вы увидите, что если-бы вы вздумали записать ваши мысли, вамъ понадобилось бы въ нѣсколько разъ больше мѣста,

чѣмъ автору для всего разсказа: отдѣльное слово его разрослось-бы въ двѣ-три фразы—настолько велика „густота мысли“ и сила художественныхъ штриховъ въ этомъ произведеніи, которое въ техникѣ выполненія смѣло можно поставить на ряду съ лучшими произведеніями русской литературы.

Но и помимо художественныхъ достоинствъ, помимо образа Митрія, разсказъ этотъ любопытенъ по оригинальной постановкѣ вопроса о такъ называемомъ снохачествѣ, отвратительномъ явленіи великорусской народной жизни. Казалось бы, что можетъ быть омерзительнѣе отца, заводящаго любовную интригу съ женою сына, но Горькій сумѣлъ подойти къ этому явленію съ другой стороны и не задумался поставить его такимъ образомъ, что читатель никакъ не можетъ рѣшить его прямолинейно, согласно правиламъ прописной морали, осудить безповоротно Силана Петровича и Марьку. Вы невольно, во имя принципа жизни, примиряетесь отчасти съ полнымъ энергіи и мощной силы Силаномъ, особенно узнавъ, что его „грѣхъ“ доставляетъ ему не мало мученій. „Пускай всѣ видятъ! Плюю на всѣхъ. Грѣхъ дѣлаю—точно. Знаю. Ну что-жъ? Подержу отвѣтъ Господу. А все-жъ таки женой его не была. Свободная, стало быть, ты, сама своя... Тяжко ему, знаю. А мнѣ? Али снохачемъ быть лестно? Хоть оно положимъ, ты не жена ему... а все-же“ (т. I с. 71). Такъ говоритъ Силанъ Петровичъ о своемъ „грѣхѣ“ женѣ сына, отъ которой тотъ отказался, и вы задумываетесь, при всей своей симпатіи къ Митрію, бросить сразу камнемъ въ его отца. Въ этомъ сказывается сила художественно переданной жизненной правды, не искаженной въ угоду правиламъ прописной морали.

Съ разсказомъ „На плотахъ“ по яркости и правдивости изображенія можетъ быть смѣло сопоставленъ прелестный очеркъ „Скуки ради“, въ которомъ вниманіе читателя особенно привлекается образомъ забитаго существа, лишеннаго всякой отрады въ жизни, кухарки Арины. Трудно отдѣлаться отъ остраго чувства жалости при мысли объ этой несчастной женщинѣ, которая всю жизнь свою безропотно, съ тупой покорностью, несла свою горькую долю, но, въ концѣ концовъ не выдержала злыхъ издѣвательствъ безсердечныхъ людей, не вынесла своего позора—и повѣсилась. И здѣсь, какъ въ „На плотахъ“, видно удивительное мастерство автора въ обрисовкѣ немногими штрихами нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ и общей картины жизни на глухой степной станціи желѣзной дороги.

Изображая забитыхъ жизнью или-же такъ называемыхъ падшихъ людей, Горькій всегда умѣетъ показать въ нихъ такія черты, которыя будятъ въ читателѣ чувство сострадания, жалости къ этимъ людямъ, заставляютъ видѣть въ нихъ близкое, родственное намъ существо, заставляютъ отнестись къ нимъ по-человѣчески.

Разсказъ „Болесь“ только подтверждаетъ сейчасъ сказанное. Продажная женщина, циничная, полупьяная упрашиваетъ живущаго по сосѣдству студента написать самое нѣжное письмо къ какому-то Болесю, ея жениху. Вскорѣ открывается, что никакого Болеся нѣтъ, и письма никуда не посылались. Когда студентъ допрашиваетъ ее, зачѣмъ ей понадобилось писать столь странныя письма, она отвѣчаетъ: „вотъ вы мнѣ написали письмо къ Болесю, а я его дала другому прочитать, и когда мнѣ читаютъ, я слушаю и думаю, что Болесь есть! И прошу написать письмо отъ Болеся къ Терезѣ... ко мнѣ. Когда такое письмо мнѣ напишутъ и читаютъ, я ужъ совсѣмъ думаю, что Болесь есть. А отъ этого мнѣ легче живется“. „Я понялъ,—замѣчаетъ разсказчикъ,— мнѣ стало такъ больно, такъ скверно, такъ стыдно чего-то. Рядомъ со мной, въ трехъ шагахъ отъ меня, живетъ человѣкъ, у котораго нѣтъ на землѣ никого, кто бы могъ отнестись къ нему любовно, сердечно, и этотъ человѣкъ выдумываетъ себѣ друга“ (т. 2 с. 170—1).

Нѣчто подобное тому, что чувствовалъ разсказчикъ послѣ обясненій Терезы, испытываешь при чтеніи разсматриваемой сейчасъ группы разсказовъ Горькаго. Всѣ они будятъ чувство сострадания къ несчастнымъ, обиженнымъ судьбой людямъ, заставляютъ видѣть въ нихъ человѣка, вообще смягчаютъ сердце читателя. Послѣ внимательнаго чтенія ихъ какъ то незамѣтно для себя приходишь къ выводу, который такъ удачно формулировалъ самъ авторъ въ концѣ „Болеся“: „Что такое падшіе люди? Прежде всего—люди, та-же самая кость, кровь, то-же мясо и тѣ-же нервы, какъ и у насъ. Говорятъ намъ объ этомъ цѣлые вѣка изо дня въ день. А мы слушаемъ и... чертъ знаетъ, какъ все это нелѣпо! Или мы уже совершенно оглохли отъ громкой проповѣди гуманизма?... Въ сущности, сами-то мы тоже падшіе и, пожалуй, очень даже глубоко падшіе въ пропасть всяческаго самомнѣнія и убѣжденія въ превосходствѣ нашихъ нервовъ и мозговъ надъ мозгами и нервами тѣхъ людей, которые только менѣе хитры, чѣмъ мы, хуже умѣютъ притворяться хорошими, чѣмъ мы притворяемся“ (т. 2 с. 171—2).

XI.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ произведеніяхъ М. Горькаго въ первыхъ трехъ томахъ собранія его сочиненій, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются не босяки и не падшіе или-же „униженные и оскорбленные“ люди, а такъ называемая интеллигенція. Такихъ разсказовъ сравнительно очень немного (это уже знакомый намъ отчасти „Скуки ради“, затѣмъ „Варенька Олесова“, отчасти „Кирилка“ и „Ошибка“), но нѣкоторые изъ нихъ представляютъ значительный интересъ, особенно если сопоставить выведенные здѣсь образы и отношеніе къ нимъ автора съ его босяками.

Какой подавляющей скукой и пошлостью вѣетъ отъ картины жизни высшихъ служащихъ на желѣзнодорожной станціи, немногими мастерскими штрихами набросанной въ разсказѣ „Скуки ради“. Всего какихъ-нибудь три-четыре странички посвящаетъ авторъ изображенію образа жизни начальника станціи, его жены и его помощника, но эти лица, какъ вылитые, стоятъ передъ нами. Передъ нами, какъ на ладони, все ихъ ничтожное существованіе съ отсутствіемъ сколько-нибудь свойственныхъ мыслящему существу интересовъ. Для нихъ не существуетъ ничего, что привлекло-бы ихъ вниманіе, кромѣ вопросовъ желудка, мелкихъ служебныхъ дрязгъ на линіи да мимолетныхъ впечатлѣній отъ проходящихъ мимо пассажирскихъ поѣздовъ. Опутанные въ тину мелочей жизни, чуждые пониманія страданій другого, они развлекаются грубымъ издѣвательствомъ надъ несчастнымъ, забитымъ жизнью существомъ, которое, благодаря имъ, лишаетъ себя жизни, не вынесши своего позора (см. разсказъ). Отвращеніе смѣшанное съ негодованіемъ вызываютъ въ читателѣ эти люди, съ виду какъ будто не имѣющіе въ себѣ ничего дурного, но на самомъ дѣлѣ ничтожные по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ и потому порой причиняющіе много зла и страданій своимъ ближнимъ.

Впрочемъ, этихъ людей и нельзя, въ сущности, считать интеллигенціей даже въ томъ не въ мѣру уже широкомъ смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется у насъ: самый образованный изъ нихъ, помощникъ начальника станціи, окончилъ только гимназію, а другіе не получили, повидимому, и средняго образованія.

Другое дѣло приватъ-доцентъ университета Полкановъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ „Вареньки Олесовой“. Но и

этотъ, повидимому, уже настоящій „интеллигентъ“ оказывается, въ сущности, ничтожествомъ и пасуетъ со всей своей ученостью и стройнымъ міровоззрѣніемъ передъ обаятельной Варенькой, непосредственной натурой, выросшей на лонѣ природы и составившей себѣ взгляды на жизнь подъ вліяніемъ окружающей дѣйствительности. Плѣненный ея чувственной красотой, онъ забываетъ о томъ, что задался цѣлью перевоспитать въ своемъ духѣ эту оригинальную дѣвушку, борется со вспыхнувшимъ въ немъ чувственнымъ влеченіемъ къ ней и, въ концѣ концовъ, совершаетъ позорный поступокъ, не будучи въ состояніи совладать съ собою. Сопоставленіемъ Полканова и Вареньки Олесовой авторъ точно хочетъ оттѣнить всю дряблость молодого ученаго, ничтожество его натуры. Есть въ этомъ разсказѣ и другіе образы изъ интеллигентной среды, но они вышли нѣсколько блѣдными и вообще не удались автору, а потому мы не будемъ на нихъ останавливаться.

Любопытно также, для характеристики отрицательнаго отношенія автора къ нѣкоторымъ современнымъ „направленіямъ“ образованнаго общества, эпизодическое лицо земскаго начальника въ разсказѣ „Кирилка“. Рѣчи этого земскаго начальника настолько характерны, что ихъ слѣдуетъ привести здѣсь. „Школы... читальни... фонари... прекрасно! Я понимаю это... но, однако, я и не противникъ просвѣщенія, а все-таки ха-аро-ошая порка воспитываетъ быстрѣе и стоитъ дешевле... да-съ. За розгу мужикъ не платитъ, а на просвѣщеніе съ него шкуру дерутъ хуже, чѣмъ розгой драли... Прежде чѣмъ учить мужика азбукѣ, нужно... дисциплинировать его! Онъ испорченный ребенокъ, да!... Что мы видимъ? Пьянство и распущенность... лѣность... Руководителя нѣтъ. Недородъ,—на сцену выступаетъ земство: на, сѣй, батюшка... на, ѣшь, батюшка... Нѣ-ѣтъ-съ! это не порядокъ! Почему до 61-го года родила? Потому что-если недородъ сейчасъ его голубчика... мужика то-есть, пожалуйте сюда! Вы какъ пахали? Вы какъ сѣяли? и т. д. Потомъ дадутъ ему-сѣй! И родитъ, о, повѣрьте!“ (т. 3 с. 222, 3, 5, 31). Этотъ „дѣятель“, не постѣснявшійся отобрать у полунищаго мужика послѣднюю краюху хлѣба, чтобы утолить свой голодъ, понятенъ и безъ всякихъ комментаріевъ къ его разсужденіямъ...

Такимъ образомъ, тѣ немногіе представители образованнаго общества, которые, въ качествѣ эпизодическихъ лицъ, фигурируютъ въ разсказахъ Максима Горькаго, оказываются или полнымъ ничтожествомъ, или, что еще хуже, прямо вредными по своему образу мыслей людьми, какъ напримѣръ, земскій начальникъ Сунцовъ въ разсказѣ „Кирилка“.

Если и попадаются у Горькаго образы интеллигентныхъ людей другой категоріи, то только, главнымъ образомъ, въ разсказѣ „Ошибка". Этотъ разсказъ представляетъ собою психологическій этюдъ, написанный горячо и ярко. Интересъ читателя сосредоточивается здѣсь на двухъ дѣйствующихъ лицахъ—сельскомъ учителѣ не у дѣлъ Ярославцевѣ и статистикѣ Кравцовѣ. Оба они сходятъ съ ума, и авторъ съ большимъ мастерствомъ и психологически вѣрно изображаетъ помѣшательство этихъ двухъ людей, замученныхъ гнетущими условіями жизни. Изъ горячечнаго бреда Кравцова не трудно понять, чѣмъ былъ „живъ" этотъ несчастный, какого рода идеи владѣли имъ до сумасшествія. Потерявши разсудокъ, онъ вездѣ и во всемъ готовъ видѣть шпіоновъ, слѣдящихъ за каждымъ его шагомъ, каждой мыслью. „Зачѣмъ вы шпіонъ", говоритъ онъ пришедшему къ нему Ярославцеву:" зачѣмъ вы слѣдите, какъ я думаю? Боже мой, вѣдь я только думаю! Отъ этого вредно мнѣ и только мнѣ" (т. 2 с. 374). Видно, не легко жилось человѣку, если онъ страдаетъ маніей преслѣдованія!... Что-же однако хотѣлъ сдѣлать Кравцовъ, за что, онъ чувствуетъ, долженъ подвергаться преслѣдованію? „Во мнѣ,—говоритъ онъ,—пылаетъ безсмертный огонь желанія подвига! И вотъ я, какъ Моисей изъ Египта, выведу васъ изъ жизни, помойной ямы, гдѣ вамъ такъ хорошо дышится. Выведу, и придемъ мы въ обѣтованную страну... Тамъ я напою моихъ братій изъ кастальскаго источника свободы и возбужу души ихъ къ жизни творчества... къ жизни всепрощенія и возсозданія человѣка" (с. 370)... Разсѣянные повсюду, они погибаютъ отъ сомнѣнія и тоски... и отъ невозможности свободно ходить, говорить и думать-.. И вотъ ихъ я соберу воедино и выведу вонъ изъ жизни въ пустыню и тамъ устрою имъ будку всеобщаго спасенія..." Вотъ какую идею, скажемъ мы словами сумасшедшаго Ярославцева, родилъ этотъ гонимый и затравленный человѣкъ, измученный собою и жизнью. Слушая его бредъ, нервно разстроенный Ярославцевъ тоже сходитъ съ ума и, попавъ въ сумасшедшій домъ вмѣстѣ съ Кравцовымъ, преклоняется передъ нимъ, какъ великимъ учителемъ жизни, и при встрѣчахъ на прогулкѣ въ саду заведенія просительно шепчетъ: „говори, учитель!" „И учитель говоритъ своему ученику возмущенно и строго о гоненіяхъ духа и страданіяхъ духа, торжественно и важно о будкѣ всеобщаго спасенія и съ гордостью о самомъ себѣ, великомъ учителѣ и пророкѣ разбитыхъ жизнью людей" (с 387). И Кравцовъ и Ярославцевъ—оба они люди совсѣмъ иного пошиба, чѣмъ тѣ представители интеллигенціи, о которыхъ мы говорили выше. Они,

можно сказать, „живутъ въ небѣ“, проникнуты возвышенными идеалами. Но жизнь заклевала ихъ; не хватило у нихъ силы бороться съ ея гнусностями, изнемогли они подъ тяжкимъ бременемъ современной дѣйствительности и погибли‘ оказались заживо похороненными въ сумасшедшемъ домѣ.

Такимъ образомъ, даже лучшіе представители интеллигентной среды у Горькаго оказываются безсильными въ борьбѣ съ жизнью, они гибнутъ, не совершивъ ничего, отцвѣтаютъ, не успѣвши расцвѣсть. Съ одной стороны, бездомные скитальцы, босяки, отверженные обществомъ или сами ушедшіе изъ него, но, во всякомъ случаѣ, не имѣющіе никакой ни внѣшней, ни внутренней, связи съ нимъ, съ другой,— интеллигенція даже въ лучшихъ своихъ представителяхъ неспособная къ активной борьбѣ за свои идеалы, наконецъ, гнетущія условія жизни, „жизнь въ ямѣ“—такова та невеселая картина, которая встаетъ передъ глазами читателя разсказовъ Горькаго.

XII.

Въ журналѣ „Жизнь“ за 1899-й годъ появилось первое крупное по объему произведеніе Максима Горькаго, подъ заглавіемъ „Ѳома Гордѣевъ“. Этотъ романъ занимаетъ почти весь четвертый томъ собранія сочиненій Горькаго и представляетъ большой интересъ какъ по выведеннымъ въ немъ образамъ, такъ и независимо отъ того, давая любопытный матеріалъ для заключеній о творчествѣ Горькаго.

Авторъ переноситъ насъ здѣсь въ современную купеческую среду Приволжья, ту среду, которая послѣ Островскаго не находила еще себѣ яркаго отраженія въ литературѣ. Изображеніе ея служитъ какъ бы фономъ, на которомъ выступаетъ главный герой—купеческій сынъ Ѳома Гордѣевъ. Этотъ Ѳома является центральной фигурой романа; на немъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается вниманіе читателя; второстепенныя дѣйствующія лица, за немногими исключеніями, выведены, повидимому, для того, чтобы лучше обрисовать главное дѣйствующее лицо. Тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ они представляютъ довольно характерную картину нравовъ той среды, къ которой принадлежитъ герой романа.

Въ этой картинѣ, какъ, впрочемъ, и во всемъ романѣ, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ мѣстъ, нѣтъ уже той яркости и пластичности, которая такъ поражаетъ читателя въ небольшихъ разсказахъ Горькаго: замѣчается какая-

то блѣдность тоновъ, мѣстами отсутствіе непосредственнаго творчества, которое замѣнено чисто головной работой; вмѣсто яркихъ, поражающихъ своею жизненностью картинъ, встрѣчаются длинныя и, надо сказать правду, скучныя разсужденія дѣйствующихъ лицъ или-же чисто прозаическое, лишенное всякихъ художественныхъ красокъ повѣствованіе автора. Кажется, будто читаешь хорошо написанный пересказъ поэтическаго произведенія съ болѣе или менѣе обширными цитатами изъ оригинала.

Чѣмъ объяснить отмѣченныя сейчасъ особенности „Ѳомы Гордѣева", о которыхъ мы будемъ имѣть ниже случай сказать нѣсколько подробнѣе? Можетъ быть, талантъ Горькаго такого свойства, что ему удаются только небольшія по объему вещи, не требующія слишкомъ продолжительной творческой работы; это художникъ, создающій цѣнные этюды и миніатюры, но неспособный дать сколько-нибудь сложную по композиціи картину. Но возможно, что это и не такъ: быть можетъ, творческій замыселъ „Ѳомы Гордѣева" въ его цѣломъ не созрѣлъ вполнѣ въ душѣ автора; опредѣлились ясно только отдѣльные эпизоды и нѣкоторыя черты дѣйствующихъ лицъ; еще нѣсколько времени на внутреннюю, сокровенную работу, и туманныя пятна исчезли-бы, но... обстоятельства заставляютъ взяться преждевременно за перо, и въ результатѣ приходится чисто головной работой заполнять пробѣлы творческой мысли.

Не чѣмъ инымъ, вѣроятно, какъ излишней торопливостью, быть можетъ, вызванной срочной журнальной работой, объясняются нѣкоторые недостатки въ построеніи романа, нарушающіе общую цѣльность впечатлѣнія. Въ этомъ отношеніи наиболѣе страдаетъ описаніе дѣтства Ѳомы. Авторъ нагромоздилъ здѣсь кучу отдѣльныхъ картинъ, долженствующихъ, повидимому, иллюстрировать постепенный духовный ростъ героя романа, но, въ сущности, дающихъ очень мало для этого матеріала. Такимъ же является, напримѣръ, эпизодъ со Щуровымъ, описаніе кутежа на плоту, нѣкоторыя сцены съ Медынской и проч. Не давая почти ничего новаго для обрисовки главнаго дѣйствующаго лица, подобныя мѣста въ романѣ, написанныя за немногими исключеніями вообще блѣдно, точно съ потугами на творчество, мало даютъ матеріала и для характеристики той среды, въ которой приходится жить и дѣйствовать Ѳомѣ Гордѣеву. Благодаря этому, читатель временами испытываетъ нѣкоторое „томленіе духа", скуку, впечатлѣніе отъ которой, въ концѣ концовъ, не заглушается отдѣльными блестящими страницами, встрѣчающимися тамъ и сямъ въ романѣ.

Несмотря однако на указанные сейчасъ недостатки, „Ѳома Гордѣевъ“ все-же представляетъ во многихъ отношеніяхъ не малый интересъ для читателя, вниманіе котораго болѣе всего сосредоточивается на главномъ дѣйствующемъ лицѣ романа. Для лучшаго знакомства съ нимъ прійдется прослѣдить за его судьбой, начиная съ первыхъ страницъ романа.

Авторъ не только разсказываетъ о дѣтствѣ Ѳомы, но также довольно подробно останавливается на характеристикѣ его отца и матери. Страницы романа, посвященныя описанію родителей Ѳомы, цѣнны, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что даютъ матеріалъ для объясненія нѣкоторыхъ чертъ характера героя путемъ наслѣдственности. По крайней мѣрѣ, вдумываясь въ его духовную организацію, можно подмѣтить въ немъ тѣ-же особенности, которыя авторъ старается оттѣнить въ характеристикѣ его отца и матери. Особенно приходится это сказать объ отцѣ Ѳомы, къ характеристикѣ котораго мы и переходимъ теперь.

XIII.

Игнатъ Гордѣевъ, отецъ Ѳомы, изъ простого крестьянскаго парня—водолива на баржахъ превратившійся въ собственника трехъ пароходовъ и десятка баржъ, получилъ прозвище „Шалый“. Основаніемъ для такого прозвища послужилъ своеобразный нравъ Игната Гордѣева. Въ немъ, говоритъ авторъ, было какъ бы три души, которыя попеременно овладѣвали имъ. Одна изъ нихъ, наиболѣе властная, толкала его къ неукротимой дѣятельности, направленной къ наживанію денегъ. Но временами онъ какъ бы чувствовалъ, что онъ не хозяинъ своего дѣла, а скорѣе, рабъ его. Въ такіе моменты имъ овладѣвала тоска, и онъ цѣлыми днями ходилъ угрюмый и злой. Въ концѣ концевъ, „въ немъ просыпалась другая душа—буйная и похотливая душа раздраженнаго голодомъ человѣка... Казалось, онъ бѣшено рветъ тѣ цѣпи, которыя самъ на себя сковалъ и носитъ, онъ рветъ ихъ и безсиленъ разорвать“ (с. 4). Въ безобразныхъ кутежахъ онъ проводилъ иногда цѣлыя недѣли, но вдругъ просыпалась третья душа, и Игнатъ становился другимъ. Весь подавленный и тихій съ опущенными отъ стыда глазами, возвращался онъ домой и по нѣсколько часовъ выстаивалъ на колѣняхъ передъ образами. [1])

[1]) Здѣсь будетъ кстати отмѣтить нѣкоторое сходство между Игнатомъ Гордѣевымъ и мельникомъ въ разсказѣ „Тоска“. Разсказъ этотъ есть какъ бы отдѣльный эпизодъ изъ жизни Игната; то, что

Что касается до матери Ѳомы, второй жены Игната Гордѣева, то въ ней авторъ особенно тщательно отмѣчаетъ нѣкоторую духовность, оторванность отъ жизни съ ея прозаическими интересами. „Всегда она думала о чемъ-то точно чуждомъ жизни, и въ голубыхъ ея глазахъ, всегда холодно-спокойныхъ, порой сверкало что-то темное, нелюдимое. „Въ сердцѣ у меня... смутное что-то... И все кажется мнѣ, что это — не настоящее“,—сказала она однажды мужу. (с. 10—12).

XIV.

Всѣ указанныя выше свойства родителей перешли по наслѣдству и къ Ѳомѣ; такимъ образомъ, нѣкоторыя особенности духовнаго склада Ѳомы Гордѣева, пожалуй, наиболѣе характерныя, объясняются чисто наслѣдственными вліяніями: таковы, напр. потребность въ дѣятельности, стремленіе глубоко анализировать явленія жизни и искать для нея разумной, нравственной руководящей нити, желаніе предаться дикому разгулу, чтобы избавиться отъ гнетущей тоски, и др. Любопытно прослѣдить, какъ повліяла жизнь на натуру, одаренную отъ рожденія указанными только что свойствами. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію той обстановки, которая окружала Ѳому съ ранняго дѣтства.

Горькій довольно много и подробно говоритъ о дѣтскихъ годахъ своего героя: чуть-ли не 50 страницъ романа посвящено описанію его дѣтства и отрочества. По всей вѣроятности, его задачей было указать тѣ вліянія, подъ которыми слагался Ѳома. Но этого не удалось сдѣлать Горькому. Описаніе дѣтства Ѳомы Гордѣева именно съ этой стороны имѣетъ очень мало значенія, такъ какъ даетъ сравнительно немного матеріала для заключеній о томъ, какимъ образомъ дѣтскія впечатлѣнія Ѳомы впитывались въ его чуткую душу и вліяли на выработку его характера и жизнепониманія. Мало было набросать нѣсколько иногда довольно блѣдныхъ и не связанныхъ единствомъ идеи картинъ изъ дѣтства Гордѣева; нужно было построить ихъ такимъ образомъ, чтобы для читателя ясно было видно значеніе ихъ въ дѣлѣ развитія духовнаго облика героя романа: безъ этого описаніе

художественно передано въ „Тоскѣ“, въ нѣсколькихъ строкахъ изложено на первыхъ страницахъ „Ѳомы Гордѣева“. У Игната и у мельника даже жены одинаковыя: толстыя, раскормленныя женщины съ сонными лицами и глазами. Игнатъ Гордѣевъ есть, такимъ образомъ, какъ бы варіантъ къ образу мельника въ „Тоскѣ“.

дѣтства Ѳомы не имѣетъ почти никакого значенія, такъ какъ очень мало объясняетъ, что дала ему жизнь въ тѣ годы, когда формируется душевный складъ человѣка. Вотъ почему мы не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи дѣтства Ѳомы. Впрочемъ, и самъ авторъ, повидимому, не придаетъ большого значенія дѣтскимъ и отроческимъ впечатлѣніямъ Гордѣева. По крайней мѣрѣ, покончивъ со школьными годами своего героя, онъ говоритъ: „такъ, день за днемъ, медленно развертывалась жизнь Ѳомы, въ общемъ, небогатая волненіями, мирная и тихая жизнь. Сильныя впечатлѣнія... иногда очень рѣзко выступали на общемъ фонѣ этой однообразной жизни, но скоро изглаживались съ него. Еще тихимъ озеромъ была душа мальчика,—озеромъ, скрытымъ отъ бурныхъ вѣяній жизни, и все, что касалось поверхности озера, или падало на дно, не надолго взволновавъ сонную воду, или, скользнувъ по глади ея, расплывалось широкими кругами и исчезало“ (с. 64). Но если даже и согласиться съ авторомъ, что дѣтскія впечатлѣнія такъ-таки и не оставили никакого слѣда въ душѣ его героя, то къ чему, въ такомъ случаѣ, было говорить о нихъ на протяженіи полусотни страницъ? Мы не послѣдуемъ его примѣру и перейдемъ къ разсмотрѣнію жизни и личности Ѳомы Гордѣева съ того момента, когда окончилась его школьная наука, и онъ сталъ постепенно пріучаться къ „дѣлу“.

Отецъ хотѣлъ выработать изъ него такого-же дѣльца, какъ онъ самъ. Вначалѣ Ѳома какъ будто и оправдываетъ надежды отца. „Ему нравилось бывать на биржѣ, въ шумѣ и говорѣ солидныхъ людей, совершающихъ тысячныя дѣла. . Онъ чувствовалъ себя солиднымъ и гордымъ, если порой ему удавалось распорядиться чѣмъ-нибудь въ отцовскомъ дѣлѣ за свой страхъ и заслужить за удачное распоряженіе одобрительную усмѣшку отца“ (с. 96.)

Но съ первыхъ же шаговъ его коммерческой дѣятельности, какъ и раньше, въ дѣтствѣ, въ немъ замѣчалось что-то такое, что не мало смущало его отца. „Вижу въ тебѣ что то не мое..., —говорилъ онъ,—что оно, не знаю, а вижу—есть... и вредное оно тебѣ...“ Авторъ добавляетъ, что, несмотря на увлеченіе дѣлами и Медынской, провинціальной львицей, Ѳома временами ощущалъ въ себѣ какую-то томительную пустоту, которой ничто не могло заполнить. Сознаніе этой душевной пустоты глубоко тревожило его: „въ темной глубинѣ ея онъ подозрѣвалъ притаившееся существованіе какой-то враждебной ему силы, пока еще безформенной, но уже осторожно и настойчиво стремившейся воплотиться“ (с. 98). Исторія постепеннаго роста этой „при-

таившейся силы", пока она, наконецъ, развернувшись во всю, не овладѣваетъ Ѳомою и не вышибаетъ его изъ привычной колеи жизни, занимаетъ большую часть разбираемаго романа. Что-же, однако, это за сила, откуда эта пустота, которую начинаетъ ощущать Ѳома?

Въ Гордѣевѣ сказывается въ этомъ случаѣ, какъ это видно изъ дальнѣйшаго хода романа, неудовлетворенность жизнью, чисто органическое, врожденное стремленіе найти болѣе возвышенный, духовный смыслъ ея, чѣмъ тотъ, на которомъ была основана совершающаяся вокругъ него жизнь. Ѳома Гордѣевъ, независимо отъ той атмосферы, въ которой онъ выросъ и живетъ, отъ природы носитъ въ душѣ своей стремленіе отыскать разумный смыслъ своего существованія. Стремленіе это передано ему по наслѣдству не только матерью, но также отчасти и отцомъ, у котораго оно, несмотря на его грубо матеріальные идеалы, все же временами сказывалось въ душевной тоскѣ и тревогѣ. Если бы онъ получилъ разумное воспитаніе, и въ немъ выработались сознательно тѣ или иные идеалы, онъ имѣлъ бы исходную точку для сужденія объ окружающихъ его явленіяхъ жизни. Но бѣда Ѳомы именно въ томъ, что онъ только „нутромъ", органически чувствуетъ какую-то фальшь въ той жизни, которою онъ живетъ, но въ чемъ эта фальшь, онъ никакъ не можетъ дать себѣ отчета. „Эхъ, говоритъ я не могу! Плохо мнѣ безсловесному-то...", замѣчаетъ онъ какъ-то однажды, и это замѣчаніе вполнѣ справедливо, такъ какъ указываетъ на одну изъ причинъ, почему Ѳома никакъ не можетъ вначалѣ опредѣлить своего отношенія къ совершающемуся вокругъ него: у него нѣтъ для этого словъ, а словъ нѣтъ потому, что нѣтъ критерія для опредѣленія того, что хорошо и что дурно. Потому-то такъ долго тянется у Ѳомы духовное просвѣтленіе, выработка сознательнаго отношенія къ тѣмъ „устоямъ", на которыхъ покоится жизнь людей одного съ нимъ соціальнаго положенія. Постепенно, шагъ за шагомъ, подъ вліяніемъ развертывающейся передъ его глазами жизни, вырабатываетъ Ѳома отрицательное отношеніе къ ней: медленно, но прочно растетъ оно въ немъ. Горькій тщательно отмѣчаетъ это все растущее отвращеніе къ господствующимъ вокругъ него принципамъ жизни, такъ что передъ читателемъ, въ концѣ концовъ, встаетъ полная картина духовнаго просвѣтленія Ѳомы. Мы остановимся только на нѣсколькихъ отдѣльныхъ моментахъ этой стороны духовной жизни героя романа Горькаго.

Съ первыхъ же шаговъ на поприщѣ коммерческой дѣятельности, еще при жизни отца, Ѳома обнаруживаетъ рав-

подушіе къ деньгамъ, не стремится къ наживѣ. Онъ никакъ не можетъ примириться съ тѣми жизненными правилами, которыми руководствуются близкіе ему люди, какъ наприм. отецъ, его крестный Маякинъ и другіе знакомые купцы. Ему противно видѣть вокругъ себя вѣчное стремленіе обойти другого, оставить его въ дуракахъ, вѣчная погоня за тѣмъ, чтобы „на грошъ пятаковъ купить". „Богатые люди, сначала возбуждавшіе въ немъ робость передъ ними, утрачивали въ его глазахъ обаяніе своего богатства и ума... Всѣ они казались ему одинаково алчными до денегъ, всегда готовыми надуть другъ друга" (с. 143).

А жизнь, между тѣмъ, на каждомъ шагу преподноситъ ему такіе факты, которые должны были все болѣе и болѣе пробуждать въ немъ чувство отвращенія къ господствующимъ вокругъ него формамъ ея. Тамъ отецъ его бьетъ по щекамъ одного изъ лучшихъ своихъ рабочихъ, вздумавшаго было запротестовать противъ хозяйской эксплоатаціи; тамъ приказчикъ Ѳомы, пользуясь несчастьемъ людей, нанимаетъ ихъ за полъ цѣны на работу; тамъ старикъ кочегаръ до изнеможенія работаетъ на пароходѣ Ѳомы не въ очередь, чтобы пріобрѣсть лишній гривенникъ, межъ тѣмъ какъ онъ самъ швыряетъ деньгами направо и налѣво. Все это бьетъ въ глаза Ѳомѣ, затрагиваетъ его чуткую совѣсть. По мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе и болѣе начинаетъ скептически относиться къ упрощенной мѣщанской морали окружающихъ, въ немъ растетъ чувство отвращенія къ крестному Маякину, въ которомъ особенно ярко, какъ мы будемъ имѣть случай это видѣть, выразилось мировоззрѣніе окружающей Ѳому среды. Вслѣдствіе этого Ѳома чувствуетъ себя одинокимъ, оторваннымъ отъ жизни. „Что я такое,—говоритъ онъ,—хуже я людей? Всѣ живутъ себѣ... вертятся, суетятся, имѣютъ каждый свой пунктъ, а мнѣ— скучно" (с. 182). Онъ не знаетъ, что дѣлать съ собой, за что ухватиться: „я ничего не понимаю... я, просто, жить хочу! Я думать не умѣю... мнѣ тошно... одинъ говоритъ то, другой другое... Тфу!" (ib). „Жить не умѣю... себя не понимаю... кто я такой?" (с. 213). Для него ясно только, что такъ жить, какъ живетъ крестный и другіе, онъ не можетъ, потому что ихъ жизнь глубоко возмущаетъ его, равно какъ и та дѣятельность, которой они отдаютъ всѣ свои силы. „Не тянетъ меня къ дѣлу!—говоритъ онъ,—Что оно, дѣло? Только званіе одно—дѣло, а тамъ ежели вглубь, въ корень посмотрѣть—безтолочь!... какой прокъ въ дѣлахъ? Деньги? Много ихъ у меня! Обманъ одинъ дѣла эти всѣ... Вижу я дѣльцовъ-ну что-же? Жадность у нихъ большая... а все таки нарочно это они кружатся въ

дѣлахъ, для того чтобы самихъ себя не видать было. Прячутся дьяволы... ну-ка, освободи ихъ отъ суеты этой, что будетъ? Какъ слѣпые, начнутъ соваться туда и сюда... всякій смыслъ потеряютъ... съ ума посходятъ! А ты думаешь, есть дѣло—такъ и будетъ человѣку счастье? Нѣтъ, врешь, тутъ еще надо одно... тутъ не все еще! Рѣка течетъ, чтобы по ней ѣздили, дерево растетъ для пользы, собака—домъ стережетъ... всему на свѣтѣ можно найти оправданіе! А люди, какъ тараканы, совсѣмъ лишніе на землѣ... Все для нихъ, а они для чего? Въ чемъ оправданіе?" (с. 229—30).

Это томленіе жизнью вслѣдствіе невозможности найти свою „точку" еще болѣе становится мучительнымъ отъ избытка у Ѳомы жизненной энергіи, неудержимой потребности въ дѣятельности. Богато одаренный отъ природы физическими и духовными силами, онъ томится отъ бездѣйствія, отъ невозможности найти такое дѣло, которому онъ могъ-бы отдаться всей душой, со всѣми своими богатыми силами; у него, какъ у сказочнаго богатыря, „сила по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается: грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени". „Мнѣ бы... съ разбойниками сражаться или самому разбойникомъ быть... вообще что бы нибудь этакое... большущее дѣлать... А тутъ иди на биржу, приноравливайся, какъ бы рубль зашибить" (с. 281). Видъ людей, дружно исполняющихъ какую-либо работу, будитъ въ немъ сильное желаніе самому примкнуть къ нимъ, возиться вмѣстѣ съ другими и показать всѣмъ свою силу, ловкость и живую душу въ себѣ (срав. с. 219). Онъ испытываетъ чувство глубокой зависти и обиды при видѣ спокойно трудящихся людей, среди которыхъ онъ не находитъ себѣ мѣста. Невыразимое счастье наполняетъ его душу, когда ему, хоть на нѣсколько мгновеній удается, наконецъ, дать выходъ своей энергіи. Глядя на дружныя усилія рабочихъ, поднимающихъ со дна рѣки затонувшую барку, Ѳома не можетъ совладать съ собою и со страшной энергіей, блѣдный отъ возбужденія, принимается работать возлѣ одного изъ воротовъ. „Что-то могучее, горячее лилось въ грудь ему, заступая мѣсто тѣхъ усилій, которыя онъ тратилъ, ворочая рычагъ. Невыразимая радость бушевала въ немъ и рвалась наружу возбужденнымъ крикомъ... Каждый шагъ впередъ все больше возбуждалъ его, каждое потраченное усиліе тотчасъ-же замѣнялось въ немъ наплывомъ жгучей, буйной радости... Первый разъ въ жизни онъ испытывалъ такое мощное, одухотворяющее чувство и всей силой жадной, голодной души своей глоталъ его, пьянѣлъ отъ него и изливалъ свою радость въ громкихъ, ликующихъ крикахъ" (с. 223). Такъ красиво описы-

ваетъ Максимъ Горькій благотворное дѣйствіе на Ѳому работы, въ которой находятъ выходъ его богатыя силы. Но такія счастливыя минуты очень рѣдко выпадаютъ на долю Ѳомы. Въ большинствѣ случаевъ, онъ не знаетъ, что дѣлать, за что браться, и при видѣ чужого труда только еще болѣе чувствуетъ свою оторванность отъ другихъ людей. „Гдѣ-же мое мѣсто,—думаетъ онъ, глядя на дружныя усилія рабочихъ, готовящихся поднять со дна рѣки его собственную барку,—гдѣ мое дѣло?... Али я уродъ какой? У меня силы не меньше, чѣмъ у любого... На что-же она мнѣ? (с. 220). Порой въ его душѣ загорается страстное желаніе дѣятельности на пользу общую: „чувствую я себя виноватымъ передъ людьми... всѣ живутъ, шумятъ, а я пугаюсь и только глазами хлопаю... И ровно земли подъ собою не чувствую... Мать что-ли это меня безчувственностью наградила? Крестный говоритъ—она, какъ ледъ, была... И все ее тянуло куда-то... Вотъ и меня тянетъ... къ людямъ тянетъ. Пошелъ-бы и сказалъ: братцы, помогите! Научите! Жить не могу! А если виноватъ—простите!“ (с. 229). Но эти благородные порывы, не находя себѣ ни въ комъ поддержки, глохнутъ и исчезаютъ. „Никому это не нужно,—жалуется Ѳома.—Всѣ сволочи! И даже будто хуже они меня... я хоть вотъ... стыжусь жить, какъ живу... а они ничего! Дѣйствуютъ!“.

Не находя ни въ комъ изъ окружающихъ его людей участія и отвѣта на мучащіе его вопросы, не будучи въ состояніи самостоятельно раскрыть проблемму жизни, ни даже формулировать самому себѣ, чего онъ хочетъ, Ѳома, чтобы заглушить душевную тоску и пустоту, предается кутежамъ и разгулу, сумасшествуетъ и безобразничаетъ во всю мощь своей широкой натуры. Но ни кутежи, ни развратъ, ни дебоширства—ничего не можетъ заглушить протестующаго голоса совѣсти, возмущающейся неправдами жизни, и уничтожить пытливую мысль, тщетно ищущую отвѣта на вопросъ: какъ жить? Все сильнѣе болитъ душа у Ѳомы, но никто не можетъ указать этому несчастному, запутавшемуся въ противорѣчіяхъ жизни человѣку, что нужно дѣлать. И Ѳома отлично сознаетъ это. Онъ не въ состояніи сочувствовать стремленіямъ окружающихъ его людей, не вѣритъ въ ихъ слова и чувствуетъ, что и они сами не вѣрятъ себѣ и ничего не понимаютъ. „Онъ видѣлъ, что люди окружавшіе его, какъ и онъ самъ, лишены опоры и смысла, только они не понимаютъ этого или нарочно не хотятъ понимать, чтобы не мѣшать себѣ жить слѣпо и безъ думъ отдавать себя вполнѣ разгульной жизни. Онъ не находилъ въ нихъ ничего твердаго, устойчиваго“ (с. 242).

Межъ тѣмъ, чувство недовольства и возмущенія окружающими людьми, ихъ порядкомъ жизни и идеалами все болѣе и болѣе растетъ въ Ѳомѣ. Не можетъ онъ ясно и полно формулировать своего негодованія противъ тѣхъ, кто портитъ жизнь, но оно все чаще и чаще прорывается въ его рѣчахъ и отношеніи къ людямъ. „Какъ жавете? Не стыдно-ли?“ хочется ему порою бросить въ лицо знакомымъ его купцамъ, отдавшимся исключительно погонѣ за рублемъ и создающимъ изъ жизни каторгу для тѣхъ, кто работаетъ на нихъ.

У Ѳомы точно постепенно спадаетъ пелена съ глазъ и онъ все больше и больше начинаетъ видѣть неправды жизни. Въ душѣ его происходитъ внутренняя, сокровенная работа, незамѣтная для него самого и направленная на сокрушительную критику окружающей дѣйствительности. Не привыкшій къ самонаблюденію, Ѳома не можетъ уловить постепеннаго роста отрицательнаго отношенія къ доступной его наблюденію жизни, и оно какъ то внезапно, неожиданно для него самого, пробивается наружу. Какой-нибудь частный, незначительный самъ по себѣ фактъ будитъ въ душѣ его цѣлый рой новыхъ, невѣдомыхъ дотолѣ мыслей. Мысли эти не представляютъ собою чего-либо новаго, свѣжаго для тѣхъ, кто, привыкъ вдумчиво относиться къ тому, что вокругъ него происходитъ, но для Ѳомы это своего рода откровеніе, на которое наталкиваетъ его сама жизнь.

Вотъ примѣръ, иллюстрирующій сейчасъ сказанное. Оставшись наединѣ послѣ одного изъ безпабашныхъ кутежей, Ѳома предается грустнымъ мыслямъ о своемъ одиночествѣ. „Какъ мнѣ освободиться отъ такой жизни?—думалъ онъ,—и какое мнѣ дѣло опредѣлено? Всѣ работаютъ“. И вдругъ его поражаетъ одна большая для него мысль: „и тяжелая работа дешевле легкой! Иной за рубль всего себя уложитъ въ работу, а тотъ—тысячу однимъ пальцемъ беретъ... И мысль его вдругъ и безъ усилія обняла собою всѣхъ этихъ маленькихъ людей, работающихъ тяжелую работу. Было странно, зачѣмъ они живутъ. Какое удовольствіе для нихъ жить на землѣ? Все только работаютъ свою грязную, трудовую работу, ѣдятъ скверно, одѣты плохо, пьянствуютъ... И всѣ они представлялись Ѳомѣ большой кучей червей, которые копошатся на землѣ только для того, чтобъ ѣсть“ (с. 267). Въ такой формѣ предстало Ѳомѣ сознаніе извѣстной соціальной неправды.

Разъ понявъ ее, онъ не можетъ объ этомъ забыть и рвется къ переустройству жизни. „Какая это жизнь, коли всѣ ноютъ и всѣмъ тѣсно? Она должна быть по вкусу лю-

дямъ... Мнѣ тѣсно, стало быть, долженъ я ее раздвигать, чтобъ свободнѣе было... Значитъ—надо ее ломать и перестраивать“ (с. 281). Но какъ ломать, во имя чего,—этого Ѳома не знаетъ: „что надо дѣлать, чтобы свободнѣе жилось? Не понимаю я этого, и тутъ мнѣ конецъ!“ (ib.).

Не зная, гдѣ выходъ изъ окружающей его неправды, Ѳома чувствуетъ, что онъ крѣпко привязанъ къ этой каторгѣ, и желаніе вырваться на свободу, порвать все съ окружающей средой все сильнѣе и сильнѣе заговариваетъ въ немъ. Опять таки внезапно, послѣ долгой внутренней работы, онъ ясно сознаетъ, что обладая большимъ имуществомъ, онъ, въ сущности, арестантъ, связанный по рукамъ и ногамъ, точно обвѣшанный тяжелыми гирями, которыя лишаютъ его свободы. „Онъ вдругъ понялъ, что если-бы крестный взялъ у него все имущество,—онъ сталъ бы совершенно свободнымъ человѣкомъ, могъ бы итти, куда хочется, дѣлать, что угодно. До этой минуты онъ былъ связанъ и опутанъ чѣмъ-то, но не зналъ своихъ путъ и не умѣлъ сорвать ихъ съ себя... Въ груди его вспыхнула тревожная и радостная надежда, онъ точно увидалъ, что въ мутную жизнь его вдругъ откуда-то хлынулъ свѣтъ, передъ нимъ какъ бы легла широкая, просторная дорога» (с. 236). Мысль о возможности освобожденія отъ такой жизни все болѣе и болѣе наполняетъ его, все сильнѣе обнимаетъ его желаніе воли, стремленіе уйти вонъ изъ этой безсмысленной сутолоки.

Потому-то такъ дѣйствуетъ на него проповѣдь странника о тщетѣ мірской жизни и прелести свободы и зажигательныя рѣчи Ежова на тему о необходимости сокрушить господствующую въ жизни ложь и подлость. Встрѣча на пароходѣ со странникомъ и бесѣды съ Ежовымъ имѣютъ рѣшающее значеніе на судьбу Ѳомы, и потому на нихъ слѣдуетъ остановиться.

На одномъ изъ волжскихъ пароходовъ Ѳома услыхалъ, какъ неизвѣстный странникъ, въ толпѣ мужиковъ, говорилъ о томъ, что люди забыли Бога и ведутъ грѣховную жизнь. Почувствовавъ инстинктивное влеченіе къ проповѣднику, Ѳома просилъ его зайти къ нему въ каюту и разговорился съ нимъ о его вольной жизни и о томъ, почему онъ ушелъ изъ міра. Вдохновенная рѣчь странника лилась прямо въ душу Ѳомы; въ его словахъ онъ какъ-бы находилъ подтвержденіе своимъ мыслямъ, опору для своего рѣшенія порвать, наконецъ, все съ опротивѣвшими ему людьми и ихъ невыносимымъ для него укладомъ жизни. Вотъ что говорилъ странникъ Ѳомѣ: „братикъ мой милый! Коли проснулась душа, коли просится на волю—не усыпляй ее насильственно, слушай ея голоса.

Нѣтъ на міру, въ его прелестяхъ, никакой красоты и святости... Выдь-ка ты на дорогу вольную, на поля, на степи, на равнины, горы... выдь да посмотри на міръ съ воли, издали... Смотришь на небо, лежа гдѣ-нибудь подъ кустикомъ, а оно все къ тебѣ опускается, какъ обнять тебя хочетъ... На душѣ тепло и тихо-радостно, ничего-то тебѣ не хочется, ничему не завидно"... (с. 318—21). Такъ говорилъ странникъ, а Ѳома подъ его рѣчи „чувствовалъ себя такъ, какъ будто послѣ долгаго пути въ жаркій день пилъ чистую и студеную влагу лѣсного ручья—влагу, пропитанную запахомъ травъ и цвѣтовъ, омываемыхъ ею" (ib). Въ рѣчахъ этого ушедшаго отъ міра человѣка черпалъ Ѳома увѣренность въ томъ, что нужно для собственнаго спасенія порвать тѣ цѣпи, которыя привязываютъ его къ ненавистнымъ для него порядкамъ окружающей жизни.

Въ частыхъ бесѣдахъ съ Ежовымъ, газетнымъ „обличителемъ", онъ все больше проникается ненавистью и озлобленіемъ противъ знакомыхъ его людей и тѣхъ жизненныхъ принциповъ, которыми они руководствовались. Онъ уже чувствуетъ сильную потребность вступить въ смертный бой съ этими людьми и страстно проситъ Ежова: „ты говори! Говори мнѣ! Я вынесу твои слова, куда надо... Я ихъ понимаю... И, ахъ, какъ я ожгу людей! Погоди только! Придетъ мнѣ случай"... (с. 352). Теперь онъ уже довольно опредѣленно можетъ формулировать себѣ свое отношеніе къ жизни, въ которой онъ ясно видитъ ея мрачныя стороны. Ему теперь все не по душѣ... „дѣла... труды... всѣ люди... и дѣйствія... все—обманъ:... не дѣло, а такъ себѣ—затычка... Пустоту души затыкаемъ... Трудящіеся—они просто несчастныя... лошади! На нихъ ѣдутъ, они терпятъ... и больше ничего... Толку нѣтъ въ жизни нашей... никакого нѣтъ—неровно все... это сразу видно. Одни богаты—на тысячу человѣкъ денегъ у себя имѣютъ... и живутъ безъ дѣла... другіе—всю жизнь гнутъ спину на работѣ, а нѣтъ у нихъ ни гроша... А межъ тѣмъ разница въ людяхъ- малая..." (с. 339—41).

Но, съ другой стороны, Ѳома чувствуетъ, что онъ не въ силахъ самъ порвать путь, связывающихъ его по рукамъ и ногамъ, и добиться желанной свободы: „самому мнѣ своей силой, видно, не выйти никуда... такъ дуракомъ и буду болтаться среди людей.., на смѣху да на обидѣ у всѣхъ. Вотъ кабы они меня оттолкнули .. возненавидѣли-бы..: тогда-бы...—иди на всѣ четыре стороны! Хоть и—не хошь—иди!" (с. 334). Эти мысли о томъ, чтобы „ожечь" людей такъ, чтобы они возненавидѣли его, оттолкнули отъ себя, все болѣе овладѣваютъ Ѳомою, и онъ только ищетъ подходящаго случая для

приведенія въ исполненіе своего замысла. Такой случай вскорѣ представился. Ѳома вмѣстѣ съ именитымъ купечествомъ былъ приглашенъ на освященіе новаго парохода и здѣсь, во время торжественнаго завтрака, рѣшился „ожечь" ненавистныхъ ему людей и ихъ порядокъ жизни, чтобы навсегда разорвать съ ними. Громовая рѣчь Ѳомы ясно показываетъ, насколько отчетливо представляетъ онъ себѣ теперь и понимаетъ господствующую вокругъ него неправду и зло. „Что вы сдѣлали,—говорилъ Ѳома остолбенѣвшимъ отъ ужаса и негодованія купцамъ,—не жизнь вы сдѣлали—тюрьму... Не порядокъ вы устроили—цѣпи на человѣка выковали... Душно, тѣсно, повернуться негдѣ живой душѣ... Погибаетъ человѣкъ! Душегубы вы! Понимаете-ли, что только терпѣніемъ человѣческимъ вы живете?... Вы не жизнь строили—вы помойную яму сдѣлали! Есть у васъ совѣсть? Помните вы Бога? Пятакъ—вотъ вашъ Богъ! А совѣсть вы прогнали... Кровопійцы! Чужой силой живете, чужими руками работаете! Сколько народу кровью плакало отъ великихъ дѣлъ вашихъ! Почтенное купечество... строители жизни... о дьяволы! (с. 268, 73).

Читавшимъ романъ Горькаго извѣстенъ печальный результатъ этого обличенія. Маякинъ, крестный отецъ и нѣчто въ родѣ опекуна Ѳомы, ловко воспользовался выходкой Гордѣева, чтобы объявить его сумасшедшимъ и посадить въ смирительный домъ. Въ концѣ концовъ, Маякинъ освободилъ Ѳому отъ богатства, прибравъ его къ своимъ рукамъ, а Ѳома, вышедши изъ больницы, сталъ какимъ-то, дѣйствительно, точно полуумнымъ человѣкомъ.

Таковъ, въ краткой характеристикѣ, герой романа Горькаго. Чтобы понять все значеніе и интересъ этого образа, необходимо прежде, хоть въ общихъ чертахъ, познакомиться съ той средой, къ которой принадлежитъ Ѳома и которой онъ, въ концѣ концовъ, объявляетъ войну не на жизнь, а на смерть. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію второстепенныхъ лицъ „Ѳомы Гордѣева" и характеристикѣ общей картины жизни, отразившейся въ этомъ романѣ.

Хотя авторъ, повидимому, сосредоточилъ все свое вниманіе, главнымъ образомъ, на Ѳомѣ, однако онъ не мало отводитъ мѣста другимъ дѣйствующимъ лицамъ романа. Нѣкоторыя изъ нихъ обрисованы полнѣе, другія едва намѣчены, но все же въ цѣломъ передъ глазами читателя встаетъ широкая картина купеческой среды, настолько разнообразная по своему содержанію, что, пожалуй, трудно было бы указать другое произведеніе въ русской литературѣ, такъ же широко захватывающее жизнь этого слоя общества. Со вре-

мени Островскаго купеческая среда не находила еще себѣ столь талантливаго художника, какимъ являетя Миксимъ Горькій въ „Ѳомѣ Гордѣевѣ“. Передъ нами изображено здѣсь нѣсколько, такъ сказать, слоевъ купеческой среды, нѣсколько совершенно различныхъ по своему характеру теченій современной купеческой жизни.

На первомъ планѣ этой картины ярко вырисовывается фигура крестнаго отца Ѳомы, купца Маякина. Этотъ образъ настолько полно очерченъ и художественно законченъ, что нѣкоторые изъ критиковъ готовы видѣть въ немъ центральную фигуру романа Горькаго и говорятъ, что его правильнѣе было бы назвать не „Ѳома Гордѣевъ“, а „Яковъ Маякинъ“.

Домашняя жизнь Маякина построена согласно старинымъ завѣтамъ россійскаго купечества, въ основѣ которыхъ лежитъ домостроевщина. Въ этомъ отношеніи Маякинъ очень близко стоитъ къ тѣмъ типамъ, которые хорошо извѣстны русскому читателю изъ комедій Островскаго. Но въ немъ есть не мало и другихъ чертъ, которыхъ нѣтъ у купцовъ Островскаго; черты эти, являясь въ высшей степени характерными для нѣкоторой части русскаго купечества, выработались сравнительно въ недавнее время подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій жизни и являются новостью въ литературномъ типѣ купца. Сюда относится, прежде всего, необыкновенное умѣніе обращаться съ людьми, которое у Маякина доходитъ до виртуозности. Этимъ качествомъ Маякинъ широко пользуется, сталкиваясь съ людьми и обдѣлывая свои дѣлишки. Вся его жизнь, всѣ усилія недюжиннаго практическаго ума направлены исключительно къ пріобрѣтенію наживы, денегъ, при помощи которыхъ можно достигнуть господства и власти среди окружающихъ. Для Маякина не существуетъ „проклятыхъ вопросовъ“, наоборотъ, все просто и ясно въ жизни, потому что слишкомъ уже проста та цѣль, которую онъ неуклонно преслѣдуетъ. Потому-то рѣчь его блещетъ такими ясными и опредѣленными по своему смыслу изреченіями, въ которыя выливается его кулаческая философія. Жизнь, по его мнѣнію, „очень просто поставлена: или всѣхъ грызи, или лежи въ грязи... подходя къ человѣку, держи въ лѣвой рукѣ медъ, а въ правой ножъ“. (с. 134—3). Погоня за наживой, думаетъ Маякинъ, должна быть присуща каждому, безъ этого онъ не человѣкъ; мало того, всѣ, по его мнѣнію, стремятся къ наживѣ возможно болѣе легкимъ путемъ: „всякъ человѣкъ желаетъ на грошъ пятаковъ купить“. Эта идея о роли наживы въ человѣческой жизни до такой степени сильна въ Маякинѣ, что онъ на всякаго готовъ смотрѣть, какъ на своего рода капиталъ, который пущенъ въ обращеніе и долженъ

принести проценты. Но Маякинъ не только лично стремится, не чуждаясь всякихъ средствъ, къ пріобрѣтенію денегъ, а черезъ нихъ и могущества надъ жизнью; онъ въ то же время вѣрный членъ своего сословія, отстаивающій его права и власть въ жизни. Въ этомъ отношеніи Маякинъ олицетворяетъ собою проснувшееся самосознаніе русскаго купечества, и отъ его рѣчей вѣетъ чѣмъ-то знакомымъ, что не такъ давно высказывалось представителями нашего коммерческаго сословія. Это рѣчи о томъ, что русское купечество есть своего рода „соль земли", устроители и благодѣтели государства и ему всѣ должны давать дорогу: „мы, купцы, торговые люди, вѣками Россію на своихъ плечахъ несли и теперь несемъ... Петръ Великій былъ царь божескаго ума... онъ намъ цѣну зналъ... и далъ намъ ходъ... А теперь—мы на своихъ ногахъ стоимъ... и свое мѣсто чуемъ. Ходу намъ дайте! Мы фундаментъ жизни закладывали—сами въ землю вмѣсто кирпичей ложились... теперь намъ этажи надо строить... позвольте намъ свободы дѣйствій!" (с. 253. Срав. также рѣчь Маякина при освященіи парохода, обращенную къ купцамъ; с. 362—64). Маякинъ не даромъ пользуется среди купечества почетомъ и уваженіемъ и славою „мозгового" человѣка: онъ родной сынъ этого сословія, въ немъ ярко выражены взгляды и жизнепониманіе создавшей его среды. Другихъ подобныхъ Маякину образовъ мы не находимъ въ романѣ Горькаго; но по отдѣльнымъ мелкимъ замѣчаніямъ, разбросаннымъ въ разныхъ мѣстахъ „Ѳомы Гордѣева", читатель чувствуетъ, что Маякинъ не одинъ, что за нимъ стоитъ цѣлая армія людей, держащихся такихъ-же взглядовъ на жизнь, и что это они устроили, по выраженію Ѳомы, изъ жизни помойную яму.

Намѣчены Горькимъ и другіе образы современнаго русскаго купечества, можно сказать, совершенно новой формаціи,—это Смолинъ, получившій хорошое образованіе, и сынъ Маякина-Тарасъ. Въ лицѣ Смолина, изучившаго за границей нѣкоторыя отрасли промышленности, Горькій, кажется хотѣлъ изобразить типъ новаго образованнаго дѣльца-промышленника, не чуждаго какъ будто и либеральныхъ настроеній. Но, къ сожалѣнію, этотъ любопытный типъ болѣе, чѣмъ эпизодическое лицо въ романѣ, и авторъ не потрудился хоть въ самыхъ общихъ чертахъ объяснить его читателю. Что касается до Тараса Маякина, то это такой же кулакъ, какъ и его отецъ, только гораздо болѣе опасный, потому что болѣе его закаленъ жизнью и образованъ. Странно, зачѣмъ понадобилось автору отправлять его въ молодости въ Сибирь на поселеніе за „нигилизмъ", какъ выра-

жается старый Маякинъ... Впрочемъ, и Смолинъ и Тарасъ Маякинъ появляются только въ концѣ романа; тотъ міръ, въ которомъ пришлось жить Ѳомѣ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ Маякиныхъ, они господствуютъ въ немъ и даютъ тонъ жизни.

И вотъ въ этомъ мірѣ погони за рублемъ, эгоизма, черствости, порою преступленія, гдѣ слабый всегда страждетъ и униженъ сильнымъ, гдѣ нѣтъ сколько-нибудь разумной, нравственной цѣли жизни, появляется Ѳома съ его чуткой къ противорѣчіямъ жизни душой, съ сильнымъ нравственнымъ чувствомъ и наклонностью къ рефлексіи. Жизнь не въ состояніи заглушить голоса „больной совѣсти" Ѳомы, вырвать изъ его сердца „святое безпокойство". Несмотря на то, что внѣшнія обстоятельства его дѣтства и юности были таковы, что, казалось, должны были-бы воспитать Ѳому въ духѣ его сословія, однако онъ не можетъ примириться съ господствующимъ вокругъ него порядкомъ жизни. Онъ всѣмъ существомъ своимъ протестуетъ, вначалѣ инстинктивно, а потомъ и сознательно, противъ окружающей его дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи у него „большая дерзость сердца", какъ выражается Ежовъ, и онъ готовъ итти напроломъ, готовъ вступить въ самую жестокую борьбу съ ненавистными ему устоями жизни.

Но бѣда Ѳомы въ томъ, что онъ, обладая чуткой совѣстью, имѣетъ слишкомъ мало развитый умъ, слишкомъ мало знаній, чтобы обосновать свои стремленія и найти для нихъ поддержку и опору въ своей собственной мысли. Онъ, по мѣткому выраженію того-же Ежева, необработанное сырье; широкіе запросы его натуры не соотвѣтствуютъ вовсе его умственнымъ силамъ; онъ точно слѣпецъ, страстно, но тщетно рвущійся къ свѣту. Точно запертый въ клѣтку левъ, рвется Ѳома прочь изъ оковъ жизни, но не въ силахъ разорвать ихъ и, въ концѣ концовъ, гибнетъ жертвою своей умственной слѣпоты.

Все значеніе Ѳомы, какъ соціальнаго явленія, заключается въ этомъ страстномъ протестѣ противъ неправды жизни. Появленіе его доказываетъ, что „святой духъ недовольства жизни проникъ уже и въ купеческую среду", болѣе другихъ сословій погруженную въ чисто матеріальные интересы жизни.

Ѳома—своего рода „лучъ свѣта въ темномъ царствѣ", но не можетъ этотъ лучъ разсѣять окружающей тьмы и гибнетъ подобно тому, какъ погибъ другой свѣтлый лучъ, попавшій въ то-же царство,—Катерина изъ „Грозы" Островскаго.

„Ваша пора,—говоритъ Ежовъ Ѳомѣ,—пора сильныхъ, но неумныхъ прошла, братъ! Опоздалъ ты! Нѣтъ тебѣ мѣста въ жизни!“ (с. 284). Дѣйствительно, ему нѣтъ мѣста въ создавшей его средѣ, и онъ гибнетъ для жизни, задавленный ея противорѣчіями.

Таковъ Ѳома, какъ этнографическій типъ, представитель „больной совѣсти“ купеческаго сословія. Отличительными чертами своей натуры онъ сильно напоминаетъ другихъ, уже достаточно знакомыхъ намъ героевъ Горькаго. И по своимъ личнымъ свойствамъ, и по міровоззрѣнію онъ близкая родня излюбленныхъ типовъ нашего автора—его босяковъ; въ немъ повторены почти всѣ тѣ черты, которыя являются основными для лучшихъ представителей „гольтепы“, фигурирующей въ разсказахъ Горькаго. Подобно имъ, Ѳома не имѣетъ ничего общаго съ окружающей его средой, такъ-же томится отъ незнанія что дѣлать и невозможности найти свою „точку“; какъ и въ босякахъ, въ немъ вѣчно живетъ какое-то смятеніе передъ жизнью, чисто стихійное стремленіе къ широкой свободѣ, презрѣніе и озлобленіе противъ людей, переходящее порою въ потребность жертвы, и т. д. Эту параллель можно было-бы развить и далѣе, но уже и изъ сказаннаго видно, что Ѳома Гордѣевъ есть, въ сущности, варіантъ все одного и того-же образа, неоднократно разрабатываемаго Горькимъ въ его произведеніяхъ. Это только лишній разъ подтверждаетъ высказанное выше см. стр. 37 предположеніе объ особенностяхъ дарованія Горькаго.

Изъ второстепенныхъ лицъ романа, кромѣ Маякина, обращаетъ на себя вниманіе литераторъ Ежовъ, почти единственный представитель интеллигенціи въ „Ѳомѣ Гордѣевѣ“. Это „опшаренный жизнью“, изломанный человѣкъ, лишенный силы и энергіи, неспособный къ сколько-нибудь настойчивому протесту противъ возмущающей дѣйствительности. Жизнь измяла и исковеркала его, лишила цѣльности натуры, сдѣлала дряхлымъ и ничтожнымъ. Понимая все это, Ежовъ страшно озлобленъ на жизнь и самодовольныхъ людей, считающихъ себя украшеніемъ страны, ея лучшимъ сокомъ. Онъ до глубины сердца ненавидитъ такъ называемую интеллигенцію, которая пользуется трудомъ милліоновъ людей и ничего не даетъ для улучшенія жизни. „Я собралъ-бы остатки моей истерзанной души, говоритъ Ежовъ, и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы въ рожи интеллигенціи, чертъ ее побери! Я-бъ имъ сказалъ: буканки! Вы лучшій сокъ моей страны! Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей! О, какъ вы дорого стоите своей странѣ! Что-же вы дѣлаете для нея? Пре-

братили-ли вы слезы прошлаго въ перлы? Что дали вы жизни? Что сдѣлали? Позволили побѣдить себя? Позволяете издѣваться надъ собой?... Вы слишкомъ много разсуждаете, но вы мало умны и совершенно безсильны и трусы всѣ вы! Ваше сердце набито моралью и добрыми намѣреніями, но оно мягко и тепло, какъ перина, духъ творчества спокойно и крѣпко спитъ въ немъ, и оно не бьется у васъ а медленно покачивается, какъ люлька!" (я. 350). Но глубокая ненависть и негодованіе Ежова выливается только въ обличительныхъ злободневныхъ фельетонахъ; онъ неспособенъ на могучій, сильный протестъ, потому что онъ, въ сущности, рабъ жизни, а не хозяинъ ея. Въ этомъ отношеніи Ежовъ своей слабой, изломанной натурой какъ бы подтверждаетъ лишній разъ отрицательное отношеніе Горькаго къ интеллигенціи, на которое не разъ указывалось выше.

XV.

При опредѣленіи литературнаго облика писателя бываетъ очень важно выяснить его задачи, назначеніе писателя и его отношеніе къ обществу, на обязанности, которыя лежатъ на немъ, разъ онъ надѣленъ талантомъ претворять въ поэтическіе образы свои впечатлѣнія и думы, и т. п. Этими взглядами на искусство и художника зачастую опредѣляется не только общій характеръ дѣятельности писателя, но также и цѣнность его произведеній и ихъ историко-литературное значеніе.

Какъ-же относится Максимъ Горькій къ литературной дѣятельности, въ чемъ, по его мнѣнію, смыслъ, и назначеніе литературы, какова роль и положеніе писателя въ обществѣ? Отвѣты на эти вопросы прольютъ нѣкоторый свѣтъ какъ на духовный образъ Горькаго, такъ и на одну новую особенность въ его послѣднемъ произведеніи „Мужикъ", печатавшемся въ журналѣ „Жизнь" за 1900 годъ.

Въ третьемъ томѣ „Очерковъ и разсказовъ" есть два небольшихъ этюда: „О чертѣ" и „Читатель", которые даютъ матеріалъ для рѣшенія поставленнаго выше вопроса.

Первый изъ этихъ очерковъ знакомитъ читателя со взглядомъ Горькаго на положеніе писателя въ нашемъ обществѣ. Грустной ироніей проникнутъ весь этотъ разсказъ, свидѣтельствующій о томъ, что Горькій далеко не въ радужномъ свѣтѣ представляетъ себѣ положеніе писателя и его судьбу. Когда чертъ, унылой осенней порой блуждая по кладбищу, захотѣлъ отъ скуки побесѣдовать съ однимъ

умершимъ литераторомъ, онъ, „который, какъ извѣстно, все знаетъ, долго бродилъ по кладбищу, прежде чѣмъ нашелъ могилу литератора“. Между мертвецомъ и чертомъ происходитъ слѣдующій многозначительный разговоръ, свидѣтельствующій о томъ, каково жилось литератору на землѣ.

„Эй, слушайте,—крикнулъ чортъ,—вставайте!—Зачѣмъ? глухо донеслось изъ подъ земли.—Нужно.—Не встану...—Почему? Да... вы кто?—Вы меня знаете!... Цензоръ?—Ха-ха-ха! Нѣтъ!—Можетъ быть... жандармъ?—Нѣтъ, нѣтъ!—И не критикъ?—Я чертъ...—А, сейчасъ вылѣзу!“.

Этотъ литераторъ, весь пропитанный желчью, благородные порывы котораго въ теченіе его жизни то и дѣло что охлаждали, однако и мертвецомъ любитъ общественную жизнь, въ которую онъ вложилъ такъ много труда, энергіи и усилій. Но никто не оцѣнилъ его работы на пользу общественную! Несмотря на то, что онъ шестнадцать лѣтъ печатался въ самыхъ распространенныхъ журналахъ и трижды при жизни издавался въ отдѣльныхъ изданіяхъ, никто не посѣтилъ его могилы, если не считать трехъ случайно забредшихъ къ его надгробной плитѣ человѣкъ и съ тупымъ равнодушіемъ прочитавшихъ краткую эпитафію. Обреченный на забвеніе послѣ смерти, онъ и при жизни не могъ сколько-нибудь сносно устроиться, едва зарабатывая на насущный кусокъ хлѣба. Въ семейной жизни онъ тоже не могъ найти никакого удовлетворенія, такъ какъ его жена была женщиной, которой чужды всякіе духовные интересы: не даромъ-же она вскорѣ послѣ смерти мужа вышла за приказчика изъ магазина модъ.

Этотъ мрачный, удручающій взглядъ на положеніе писателя въ обществѣ, столь гармонирующій съ отношеніемъ Горькаго къ жизни культурной среды, не мѣшаетъ однако ему имѣть самыя высокія, идеальныя мысли о роли литературы и обязанностяхъ человѣка, одареннаго поэтическимъ талантомъ. Мысли эти вплетены въ разсказъ „Читатель“, который представляетъ собою горячую, полную неподкупной искренности исповѣдь автора передъ самимъ собою. Темой разсказа служитъ разговоръ автора, возвращающагося домой послѣ чтенія въ кругу близкихъ людей своего перваго напечатаннаго разсказа, съ какимъ-то неизвѣстнымъ ему человѣкомъ. Этотъ человѣкъ задаетъ своему спутнику цѣлый рядъ вопросовъ о литературѣ, о томъ, чѣмъ долженъ быть въ настоящее время писатель, и вы чувствуете, что и этотъ странный человѣкъ и его ядовитыя рѣчи есть не что иное, какъ воплощеніе сокровенныхъ мыслей самого автора. Сдѣлаемъ извлеченіе изъ этого разсказа, чтобы ближе познакомиться съ мыслями автора о литературѣ.

Дѣйствительность, которую мы когда то такъ горячо хотѣли перестроить, сломала и смяла насъ... Человѣкъ теперь не царь земли, а рабъ жизни, онъ не борется больше во имя идеаловъ, такъ какъ не имѣетъ ихъ; онъ только приспособляется къ окружающей дѣйствительности... Онъ упалъ духомъ, въ немъ ослабѣлъ интересъ къ жизни, одухотворяемой высшими стремленіями: вотъ онъ уже нахально смѣется, когда произносятъ слово „идеалъ"; онъ сталъ только грудой костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурой; эту скверную груду двигаетъ не духъ, а похоти (Срав. т. 3 с. 382—80). Въ такія тяжелыя минуты сумерокъ общественнаго сознанія на помощь потерявшимъ истинный смыслъ жизни и вѣру въ идеалъ должна прійти литература. Цѣль ея „помогать человѣку понимать себя самого, поднять его вѣру въ себя и развить въ немъ стремленіе къ истинѣ, бороться съ дурнымъ въ людяхъ, умѣть найти хорошее въ нихъ, возбуждать въ ихъ душахъ стыдъ, гнѣвъ, мужество, дѣлать все для того, чтобы люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святымъ духомъ красоты" (ib. с. 368). Поэтому всякій, принимающійся за литературное творчество, долженъ строго испытать себя и рѣшить, въ состояніи-ли онъ сказать людямъ что-либо нужное имъ, а не дать камень вмѣсто хлѣба.

И вотъ Горькій, прекрасно понимая великое значеніе писателя, подвергаетъ самому строгому и нелицепріятному анализу свой душевный міръ, стараясь вполнѣ правдиво рѣшить, насколько его дѣятельность и избранный имъ путь литературнаго творчества даетъ дѣйствительно то, что нужно людямъ. „Что я могу сказать людямъ? задаетъ онъ себѣ вопросъ.—То, что уже давно говорили имъ и всегда говорятъ, что находитъ себѣ слушателей, но не дѣлаетъ людей лучшими? Но имѣю-ль я право проповѣди этихъ идей и понятій, если самъ я, воспитанный на нихъ, часто поступаю не такъ, какъ онѣ повелѣваютъ?" (ib. с. 374).

Всматриваясь въ себя, Горькій устами своего собесѣдника такъ говоритъ о своей писательской дѣятельности и о томъ направленіи въ литературѣ, къ которому онъ примыкаетъ. „Твое перо слабо ковыряетъ дѣйствительность, тихонько ворошитъ мелочи жизни: описывая будничныя чувства будничныхъ людей, ты открываешь ихъ уму, быть можетъ, и много низкихъ истинъ, но можешь-ли ты создать для нихъ хотя бы маленькій возвышающій душу обманъ? Нѣтъ! Ты увѣренъ, что это полезно рыться въ мусорѣ буденъ, и не умѣешь въ нихъ находить ничего, кромѣ печальныхъ крошечныхъ истинъ, устанавливающихъ только, что человѣкъ

золъ, глупъ, безчестенъ, что онъ вполнѣ и всегда зависитъ отъ массы внѣшнихъ условій, что онъ безсиленъ и жалокъ одинъ и самъ по себѣ... Всѣ вы, учителя жизни нашихъ дней, гораздо больше отнимаете у людей, чѣмъ даете имъ, ибо *вы все только о недостаткахъ говорите, только ихъ видите*... И вы не только не можете дать жизни что-либо новое, вы и старое даете въ скомканномъ, измятомъ, лишенномъ образа видѣ. Читая васъ, ничему не поучаешься, ни за что, кромѣ васъ, не стыдишься. Все будни, будни, будничные люди, будничныя мысли, событія... Когда-же будутъ говорить о духѣ смятенномъ и о необходимости возрожденія духа? Гдѣ-же призывъ къ творчеству жизни, гдѣ уроки мужества, гдѣ бодрыя слова, окрыляющія душу? (ib. с. 363—8)... Если ты стоишь на одномъ уровнѣ съ жизнью, *если ты не можешь* силой воображенія твоего *создать образы, которыхъ нѣтъ въ жизни, но которые необходимы для поученія ея, какая польза въ твоей работѣ, и чѣмъ оправдаешь ты званіе свое?*" (с. 378). Изъ приведенныхъ выдержекъ можно съ достаточной ясностью представить себѣ отношеніе Горькаго къ литературной дѣятельности вообще и къ собственному поэтическому творчеству въ частности. Сознавая свою великую отвѣтственность передъ обществомъ, которое является читателемъ его произведеній, онъ страстно ищетъ того пути, на которомъ онъ можетъ быть наиболѣе полезенъ. Эти исканія вызваны настолько могучей жаждой истины, что онъ, не задумываясь, готовъ поставить крестъ надъ всей своей семилетней литературной дѣятельностью, разъ она не соотвѣтствуетъ его представленіямъ о сущности истинно-художественнаго произведенія. Читая этотъ глубоко прочувствованный, идущій прямо отъ сердца разсказъ, невольно преклоняешься передъ отношеніемъ Горькаго къ литературѣ. Чувствуется, что этотъ человѣкъ не принадлежитъ къ разряду тѣхъ торгашей печатнымъ словомъ, которые пишутъ только для того, чтобы, говоря его словами, взять побольше отъ жизни людей.

Но, съ другой стороны, если „Читатель" возбуждаетъ глубокое уваженіе къ автору за его честное отношеніе къ литературной дѣятельности и, до нѣкоторой степени, служитъ лишнимъ доказательствомъ незаурядпаго таланта автора,—ибо въ громадномъ большинствѣ случаевъ только истинные таланты способны такъ нелицемѣрно-строго отнестись къ себѣ,—то въ то-же время этотъ разсказъ будитъ и очень серьезныя опасенія за дальнѣйшее направленіе писательской дѣятельности Горькаго. Наша литература знаетъ нѣсколько случаевъ, когда писатели громаднаго таланта,

ставъ на ту-же точку зрѣнія, которую мы видѣли въ разбираемомъ сейчасъ разсказѣ, кончали тѣмъ, что или уродовали свой талантъ, принимаясь за созданіе такихъ образовъ, которые совсѣмъ не соотвѣтствовали ихъ дарованію, или-же вовсе или на болѣе-менѣе продолжительное время отказывались отъ литературной дѣятельности. Если еще не вполнѣ изслѣдованъ въ подробностяхъ, то все-же достаточно извѣстенъ въ общихъ чертахъ мучительный духовный процессъ Гоголя, аналогичный по своей идеѣ тому, который отразился въ „Читателѣ" Горькаго. Величайшій мастеръ въ изображеніи „пошлости пошлаго человѣка„, Гоголь начинаетъ вдругъ тяготиться своимъ дарованіемъ. „Зачѣмъ-же изображать бѣдность да бѣдность, да несовершенства нашей жизни?" задаетъ онъ себѣ вопросъ въ началѣ второй части „Мертвыхъ душъ" и съ горечью отвѣчаетъ: „что-же дѣлать, если таковы свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ изображать ничего другого". При созданіи второй части „Мертвыхъ душъ" Гоголь, какъ извѣстно, прибѣгалъ къ насилію надъ своимъ талантомъ, пытаясь рисовать положительные типы; въ результатѣ получилось нѣчто очень блѣдное и нехудожественное. Это желаніе быть полезнымъ обществу исключительно созданіемъ идеальныхъ образовъ привело его, въ концѣ концовъ, къ тому, что онъ сжегъ второй томъ своей поэмы. Другой могучій талантъ, „великій писатель земли Русской", подъ вліяніемъ подобныхъ-же мыслей промѣнялъ было перо художника на проповѣдь моралиста и, повидимому, только неизсякаемый родникъ творческихъ силъ не позволилъ ему окончательно отказаться отъ поэтической дѣятельности. Намъ кажется, отразившійся въ „Читателѣ" духовный процессъ Горькаго очень напоминаетъ тотъ, который переживалъ Гоголь во время созданія „Мертвыхъ душъ". Быть можетъ, это только первые симптомы его, но Горькій чувствуетъ, что мысли, которыми навѣянъ „Читатель", будутъ не разъ приходить ему въ голову: не даромъ странный собесѣдникъ автора, которому принадлежитъ большинство цитованныхъ выше рѣчей, говоритъ, что онъ еще не разъ придетъ къ нему. Странно дѣлается за талантливаго писателя, если этотъ докучливый собесѣдникъ все чаще и чаще будетъ посѣщать его. Хорошо, если его язвительныя, насмѣшливыя рѣчи послужатъ своего рода очистительнымъ огнемъ, и симпатичное дарованіе Горькаго предстанетъ предъ нами въ новомъ, плѣнительномъ свѣтѣ; но можетъ быть и иначе: въ угоду внутреннему голосу, не провѣривъ хорошенько его справедливости, авторъ „Бывшихъ [illegible]ей" можетъ [illegible]правиться по

совершенно новой, для него непосильной дорогѣ и, заблудившись на ней, не будетъ въ состояніи вернуться на старый, столь много обѣщавшій впереди путь. Не результатомъ-ли этого созрѣвающаго въ тайникахъ души переворота является и начавшее печататься въ „Жизни“ новое произведеніе Горькаго „Мужикъ“, въ которомъ онъ впервые и едва-ли удачно пытается создать типъ положительнаго общественнаго дѣятеля?...

XVI.

Остается подвести итоги сказанному и сдѣлать въ дополненіе нѣсколько общихъ замѣчаній о творчествѣ Максима Горькаго.

Въ лицѣ этого писателя передъ нами, несомнѣнно, крупный художественный талантъ, поражающій своей мощью и свѣжестью. Это утвержденіе нисколько не теряетъ своей силы оттого, что среди сочиненій Горькаго встрѣчается порою безусловно слабыя вещи или-же мало художественныя отдѣльныя мѣста: у корифеевъ міровой литературы можно указать не мало столь-же слабыхъ произведеній, особенно въ началѣ ихъ литературной дѣятельности, и это однако не мѣшаетъ имъ занимать мѣсто въ первыхъ рядахъ литературы. Важно то, что на ряду съ немногими слабыми страницами мы находимъ у Горькаго множество отдѣльныхъ мѣстъ и цѣлый рядъ произведеній, достойныхъ пера первоклассного художника. Какъ на выдающуюся черту дарованія Горькаго, слѣдуетъ указать на его разносторонность, способность съ одинаковой силой и яркостью изображать жизненныя явленія различной категоріи.

Надѣленный недюжиннымъ литературнымъ дарованіемъ, Горькій имѣетъ еще то преимущество передъ другими писателями, что онъ вполнѣ самобытенъ, чуждъ какихъ бы то ни было литературныхъ вліяній. Сложившаяся необычайнымъ образомъ для художника слова жизнь этого писателя имѣла, между прочимъ, одну хорошую сторону: она спасла его, по крайней мѣрѣ, въ первые годы его сознательной жизни и художественнаго творчества, отъ всяческихъ культурныхъ и литературныхъ вет[illegible]гвій, которыя зачастую лишаютъ человѣка его сам[illegible]ности, [illegible]гоняютъ его подъ общій уровень господст[illegible]ющихъ парт[illegible] и направленій. Критики Горь-

каго любятъ говорить о томъ, что въ его очеркахъ и разсказахъ замѣчается вліяніе пресловутаго Ницше и его философіи, но никто еще не доказалъ сколько-нибудь убѣдительно существованіе подобнаго вліянія, и разговоры на эту тему остаются только досужими измышленіями или же перепѣвами съ чужого голоса. Впервые о сходствѣ между философіей Ницше и міровоззрѣніемъ Горькаго и его босяковъ заговорилъ, помнится, Н. К. Михайловскій; отмѣчая нѣкоторыя параллели между ницшеанствомъ и взглядами на жизнь, отразившимся въ сочиненіяхъ нашего автора, критикъ этотъ ни слова однако не говоритъ о возможности здѣсь литературнаго вліянія, даже отвергаетъ его, и параллель между Ницше и Горькимъ склоненъ объяснять скорѣе всего воздѣйствіемъ эпохи. Подхвативъ его мысль, другіе критики заговорили на разные лады уже о вліяніи на Горькаго Ницше, забывая, что для подобныхъ утвержденій нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній; сходство между міровоззрѣніемъ двухъ лицъ далеко еще не доказываетъ вліянія котораго-нибудь изъ нихъ на другого.

Помимо сильнаго и оригинальнаго художественнаго таланта, Горькій представляетъ большой интересъ для современнаго читателя еще потому, что изображаетъ въ своихъ разсказахъ жизнь того слоя общества, который особенно привлекаетъ къ себѣ теперь вниманіе мыслящаго человѣка и въ Западной Европѣ и у насъ, и который до настоящаго времени все еще мало обслѣдованъ. Нужды нѣтъ, что своихъ босяковъ онъ надѣляетъ иногда нѣкоторыми лично своими чертами и влагаетъ въ нихъ свое міровоззрѣніе,—все-же его разсказы дышатъ живой правдой и заставляютъ читателя сильно призадуматься надъ судьбой этихъ отверженныхъ людей и надъ тѣми соціальными условіями, которыя роковымъ образомъ создаютъ полуголодный пролетаріатъ. Вмѣстѣ съ героемъ своей послѣдней повѣсти „Мужикъ“ Горькій можетъ сказать: „я правдивый голосъ жизни, грубый крикъ тѣхъ, которые остались тамъ, внизу, опустивъ меня для свидѣтельства о страданіяхъ ихъ“. И онъ, вѣрный своей миссіи, является апостоломъ человѣколюбія, несетъ всюду мучительный вопль своихъ героевъ, отъ котораго содрагается сердце читателя.

Своими картинами изъ жизни рядовыхъ босяковъ и другихъ отверженныхъ или забитыхъ жизнью людей онъ какъ бы, вмѣстѣ съ Ѳомой Гордѣевымъ, бросаетъ упрекъ обществу: „какъ живете? Не стыдно-ли?“ Это общество, считающееся интеллигентнымъ и культурнымъ, вызываетъ самое горячее и систематическое обличеніе со стороны нашего пи-

сателя. Онъ возстаетъ противъ мѣщанскаго самодовольства и приниженности, противъ сытаго застоя, въ который погружена наша интеллигенція, и своими горячими нападками будитъ протестъ противъ царящей среди такъ называемыхъ порядочныхъ людей пошлости.

„Всѣ такъ называемые порядочные люди,—говоритъ онъ, напримѣръ, въ „Мужикѣ"—это идейные мѣщане... Порядочность—мѣщанскій идеалъ. Порядочный человѣкъ образуется изъ платоническаго почтенія къ великимъ реформамъ и скрытой боязни будочника... Порядочный человѣкъ обязанъ склеивать себѣ убѣжденія изъ передовыхъ статей либеральныхъ газетъ, и хотя такія убѣжденія не отличаются прочностью, но шелестятъ, какъ шелковыя... Когда полуголодный и оборванный, онъ жилъ среди товарищей—студентовъ, онъ цѣлыми днями жралъ книжки, и по ночамъ его кусали думы о воплощеніи въ жизнь разныхъ высокихъ идеаловъ. Но уже на послѣднемъ курсѣ его товарищи стали казаться ему идеалистами и начали нравиться англичане... Сбросивъ съ себя мундиръ студента, онъ изъ уваженія къ Англіи шьетъ себѣ клѣтчатый костюмъ и идетъ на службу въ одно изъ учрежденій, созданныхъ эпохой великихъ реформъ, причемъ присваиваетъ себѣ званіе скромнаго культурнаго работника. Когда онъ судитъ кого-нибудь, то обнаруживаетъ прекрасныя познанія въ вопросахъ морали, но если возьметъ у васъ книгу для прочтенія, то ужъ не возвратитъ ее никогда, о, никогда!... Онъ вѣшаетъ у себя въ квартирѣ портретъ любимаго писателя, котораго читалъ однажды, еще будучи мальчикомъ, тыкаетъ въ него пальцемъ, говоря съ умиленьемъ—это мой учитель! отчего портретъ коробится и линяетъ... Преобладающее настроеніе порядочнаго человѣка скромно-кислое... но въ пьяномъ видѣ онъ непремѣнно вспоминаетъ свою alma mater и со слезами кричитъ: gaudeamus igitur, послѣ чего обнаруживаетъ желаніе дать кому-нибудь въ зубы, но рѣдко позволяетъ себѣ дѣлать это... Онъ не прочь получить небольшую конституцію или хотя бы маленькій орденокъ".

Подобнаго рода негодующія, ироническія рѣчи—не рѣдкость въ сочиненіяхъ Горькаго, и онѣ должны освѣжающимъ образомъ дѣйствовать на современное общество, погрязшее въ тинѣ житейскихъ мелочей, руководящееся низменными идеалами въ своемъ существованіи.

Всегда сохраняя въ душѣ своей „святое недовольство" жизнью, то недовольство, „при которомъ нѣтъ ни самообольщенья, ни застоя", Максимъ Горькій надѣляетъ имъ и наиболѣе характерныхъ изъ своихъ героевъ, до Ѳомы Гордѣ-

ева включительно, и воплощаетъ въ нихъ, какъ выразился г. Андреевичъ, критикъ „Жизни“, матеріальный и духовный голодъ нашихъ дней, воспринявшихъ мѣщанскую культуру и ею не удовлетворившихся. Эти герои со своимъ вѣчно не умолкающимъ протестомъ противъ неправды жизни удерживаютъ чуткаго читателя отъ полнаго погруженія „въ тину нечистую мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей“, будятъ и въ его душѣ недовольство настоящимъ, стремленіе къ возвышенному идеалу личной и общественной жизни. Въ этомъ заключается главное значеніе разсмотрѣнныхъ произведеній Максима Горькаго; дай Богъ, чтобы его талантъ и далѣе развивался въ томъ же направленіи и сослужилъ великую культурную службу нашей родинѣ.

PG
3465
A857
1901

Aleksandrovskiĭ, Grigoriĭ Vladimirovich
Maksim Gor'kiĭ i ego sochineniia

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 19 10 09 015 3